

Иван Франко

Лис Никита

(перевод с малорусского)

Предисловие переводчика

Творчество малорусских поэтов и писателей остается до сих пор неизученным. Несмотря на просветительскую деятельность СССР, пытавшегося упорядочить произведения Малороссии и перевести их, многие литературные малорусские произведения так и не были донесены до русского читателя.

Не избежали этой участи и произведения малорусского талантливой поэта и писателя Ивана Яковлевича Франко, фактически одного из инициаторов народного движения за освобождение Галицкой Руси от австрийского гнета и присоединения её к России. Поэма «Лис Никита» особо выделяется в его многообразном творчестве.

Прежде всего бросается в глаза заимствование сюжета поэмы из западноевропейского народного эпоса «Роман о Лисе», где главный герой, лис, хитростью и умом побеждает всех своих противников, начиная от царя-льва, и получает за это признание и награду титулом. Зачем Франко понадобилось обращаться к этому сюжету, можно только догадываться. Но соотношение с историческим контекстом показывает, что поэт имел в виду.

Не секрет, что главный город Галиции – город Львов, имеющий зверя на гербе соответственно своему имени. Исходя из противостояния лиса и льва, а также его подданных Иван Франко воспринимал этот город как нечто чуждое для его малой родины: ведь его национальный состав был химеричен – в нем проживали поляки, малорусы и евреи, а порядком заправляли австрийские немцы. Учитывая то, что территория Галиции была исторически близка к России, и то, как относилась Австро-Венгерская империя к захваченным территориям, в том числе и к этому региону, нетрудно понять, как враждебно все эти народы относились друг к другу. Писатель интуитивно чувствовал, откуда может пойти опасность для её соседей, и потому для него лис Никита – представитель провинции, выживающий как может и защищающийся от гнета из центра – двора царя-Льва: несколько раз Иван Франко в поэме указывает на город Львов как место пребывания царского двора.

Но не только этот конфликт попал в контекст поэмы. Показательно, как изображает Иван Франко мир говорящих зверей, в котором действует лис Никита. Это мир стяжательства, воровства, обмана, где понятий добра и зла нет и в помине. В нашем людском мире предостаточно всего этого, и поэма Франко является предупреждением для общества, в котором неизбежно будет порождаться все эти пороки. Поэтому лис Никита не исключение в нем. Вот как сам автор поэмы комментирует свое произведение в предисловии: *«Сия стихотворная сказка, которую вы, дорогие братья, вероятно уже читали, над которой кое-кто, может, только смеялся, а кое-кто, может, и глубже призадумался, размышляя, что у нас, между крещеными людьми и не такое творится, о чём здесь в сказке рассказано, — сие не моя выдумка, а имеет свою историю...»*

Показательна история издания «Лиса Никиты» в СССР. Поэма издавалась дважды в двух вариантах на малорусском: одно издание отдельной книгой в 1951 году под

редакцией Максима Рыльского, который таким образом спас произведение для будущего прочтения, и, полностью, в 50-томовом собрании сочинений Ивана Франко (1976-1986). На русский язык поэма была переведена за авторством Благиной Елены Александровны в 1955 году, но перевод до читателя не дошел: он до сих пор хранится в РГАЛИ (<http://www.rgali.ru/object/213487142?lc=ru>, <http://www.rgali.ru/object/213488149?lc=ru>, <http://www.rgali.ru/object/213488185?lc=ru>). Причина лежания перевода на полке проста – когда пришел к власти после смерти Сталина Никита Сергеевич Хрущев, с его ведома перевод поэмы на русский был положен на полку. Видимо, ему было ясно, что публикация поэмы навредит его репутации и без того шаткой после начала кампании по борьбе с наследием Сталина и положит конец его политической карьере – тем более после амнистии бывших участников бандеровского движения. Так от его вредительства пострадали не только внутренняя политика СССР, но и творчество Ивана Франко, который и не мог представить себе трудный путь части своего творчества в России.

Поэма так и осталась непереуведенной до настоящего времени, пока ваш покорный слуга не обратил внимание на эту несправедливость и не взялся за перевод основательно. Ныне выход поэмы в свет очень актуален, и каждый усмотрит в ней свое видение происходящего на Украине. Кто-то усмотрит в этом эзоповскую сатиру на все правительства и элиты мира, а кто-то усмотрит в этом некое пророческое видение Франко – ведь уроженцы Галиции и его города Львова, воспитанные на «украинском национализме» Тараса Шевченко, Грушевского и Бандеры, осмелились сунуться в Луганщину и Донбасс, где есть шахтерский город *Лисичанск*.

Но ясно одно – поэма имеет главную мысль: ***жить по-человечески, по совести всем людям без исключения для избавления их от будущих бед и катастроф***. В этом, пожалуй, и состоит главный завет поэмы и всего остального творчества замечательного малорусского поэта и писателя, борца за объединение славянского мира против вражды и раскола Ивана Яковлевича Франко.

Булат Асатуллин

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Многоцветная, теплая, ясная
Наступила весна прекрасная -
Словно девица подвенечная.

Жизнью лес и луга преисполнены,
Пенье, говор и шум переполнили
Все кустарники зеленевшие.

Лев есть царь надо всеми зверями,
Пишет письма свои да с печатями,
На весь мир рассылает посланье:

«Настал сборам великий черед,
Пусть сойдется звериный наш род
В царский двор на большое собранье».

Вот идут они целыми толпами,
Как на отпуст с большими знаменами –
Всё, что воет, и лает, и квакает «квак».

Но один не ведет будто слухом своим,
В своём доме, возможно, лежит он один.
Лис Никита, лесной гайдамак.

Ох, недаром Никита хвостится!
Из-за совести, верно, не спиться:
«Обижал ты звериный народ!»

Между тем в звериной столице
Царь уселся рядом с царицей,
Чтоб судить все дела и звериный весь род.

Первым вышел к царю Волк Несытый.
«Царь великий!» – слезится он, - «От Никиты
Уж теперь мне хоть пропадать!»

Моих деток он бьет и изводит,
А Волчица клеветает, злословит.
Мой и стыд, и позор всем видать!

Разве честно, что он меня хитро,
Льстиво так, чтоб видно всем было,
Чуть ли в гроб не вогнал!

Это было однажды, в тот раз,
Когда вышел твой царский указ,
Мировым судьей чтоб я стал.

Тут-то ко мне вбежал Лис Никита:

«Волче, дело твоё знаменито!
Четыре барана теперь уже тут.

Им досталось теперь от отца
Доли хорошей поле-земля,
И на честнейший сдаются твой суд.

Видишь ли, начали они ссору,
И поделить свою землю не могут,
Не землемеры они, не учены.

Я поведу эту паству в те дебри,
Будь, друже, ты для них землемером,
Труд тебе пользы не будет лишенным».

Не укрывал я радость свою,
Ведь больше всех я на свете люблю
Паству баранью мирить на суде.

Как сделаю дело на них я в полиции -
Из них жаднейший не будет браниться,
Никогда не внесет рекурсов¹ всех мне.

Быстро к баранам я выхожу,
И поздоровавшись, в них я гляжу,
Как стручки гороха, полны ребятки!

«Ну-ка пойдёмте сейчас, поспешим
Спор ваш земельный мы разрешим,
Палько и ты, где ваши палки?»

Молвят бараны: «Всё есть, всё готово!»
Вышли мы вместе на спорное поле,
Стали мы мерить – ан нет, не идет!

Там малая доля, тут больше кусок,
Вширь не хотят, вдоль не пойдёт:
Тут хорошо здесь, а там грунт им плох!

Здесь-то сказал Лис Никита-пройдоха:
«Здесь одна лишь избитая тропка
К правде вас сей же час заведет.

Волк, иди к середине, вот тут-то.
А из баранов теперь в сей минуте
На угол поля пусть каждый идет.

Станьте и стойте там все спокойно,
Каждый из вас пусть смотрит здесь в оба!

¹ Обратное требование или взыскание.

Как я вам крикну: раз, два и три!

То из вас каждый без подготовки
Сразу и тотчас прямо на Волка,
Что есть все силы, просто дери!

Кто из вас быстро до Волка домчится
И отпихнет с места напрочь и быстро,
Будет иметь наибольшую часть.

Поняли?» – «Уразумели теперь!»
«Ну-ка, идите туда, и на цель
Пусть вам сейчас бог добежать даст!»

Увидев решенья, я сразу рад стал,
Подвоха Никиты не подозревал,
И лис окаянный себе налицо

Радость свою давить только знает
Тут же баранам как свистнет, как гаркнет:
«Раз, два и три! Беги на него!»

Крикнул едва Лис Никита,
Сразу отправились со всех копыт
Со злобой бараны в это же время!

А как забились в целую кучу,
Как палки метелок на полную ступу,
Врезались прямо в меня так мгновенно!

Стадо баранье на меня сразу -
Кости мои смешались, как каша,
Видно, меня, как песок, потолкли;

Я, только сипнув, так закрутился,
С треском на землю перекатился,
Кровью заплыли очи мои.

И бараны проклятые словно не знали,
Что смерть мне близка, и не замечали,
Что без сознания, без сил я лежу.

Этот рогами отсюда бодает,
Тот к себе тянет и тоже толкает,
Чтобы сдвигать земляную межу.

Долго они на меня так толкались,
Ежеминутно вдвоём разбегались
И рогами силою бух!

Ну а Никита-лис хуже собак,
Так хохотал и валялся, как рак,

Что я чуть со злости не выпустил дух.

И было бы всё за табака нюх,
На вечный позор и низвергнутый дух,
Несытого Волка б убили бараны.

И дай бог сразу случиться:
Примчалась моя Волчица,
Только тогда они убежали».

И жалобно эту повесть,
Как сумную сильную новость,
Несытый Волк рассказал.

Царица прерывно смеялась,
И царь, чтоб рассказ не прервался,
Едва в себе смех свой сдержал.

А Гектор, щенок, бедолага
Стал в лапки царю-льву, бедняга:
«Стражу-царю, что права всем нам дал!

Колбаски имел я кусок
И спрятал ее в уголок,
И ту лис проклятый украл!»

Мурлыка Кот тут вскочил живо:
«Ишь ты сговорился, собачье лихо,
Колбаска вообще-то моя!

Что Лис злодей, я с этим не спорю,
Но колбасу в ту злую пору
Я утащил у жены кузнеца!».

«Чистая правда, что молвить тут», -
Рысь молвить начал жалобы суть.
«Лис воровством так живет.

Вне всякой совести, чести и веры,
За холодец, не ведая меры,
Водку свою перепродает.

Ведь то Иуда, а то сам и нехристь!
Патриот для него - злюка и нечисть!
Кто бы добра от него ждал?

Знаю его я злую натуру!
Он торгашам царя бы на шкуру
За фунт всей свинины продал.

Заяц вот здесь, святая душа,
Он никому и не желал зла,

Жил кротко днями, ночами, наш братец.

Но вот он пошел к Лису Никите,
А тот хотел научить его тише
От тропарей, кондаков укрываться.

Ох и горька была та наука,
Взял его лис и бил палкой бука.
А прибежали на пятый лишь час.

Зайца лис тряс точно как грушу,
Может, и вытряс бы из него душу,
Если б от козней я зайца не спас».

Но тут выступил к львиному трону,
Лиса чтоб взять к себе в оборону,
Дядька его, барсук Бабай.

«Верно тогда старики говорили:
Жди от врагов похвал выше меры!
Что тут везде наплели, ай-ай-ай!

Вам и не стыдно, Волк Ненасытный,
Всем разносить позор ваш тут личный
Да выгребать давнюю плесень?

А вы лучше бы всем тут напомнили,
Как с Лисом вы пели дружно, знакомо -
То была верная, свежая песнь.

Верным был другом тот Лис Никита,
Но ваша злость так ненасытно
Злом оплатила лучшую вещь.

Вот вместе вы степями ходили,
Голод вас мучил страшный, пытливый:
Хоть и колени от него ешь!

Тут слышно стало: «Ну! Ну! Пошла!»
В город мужик ехал в путь со двора
С щедрой, тяжелой рыбной ловлей.

«Эй, - Сказал Лис, - Счастливая мысль!
Будет нам, брат, с тобой общая пища,
Только смотри мудро в оба!

Лис наш вскочил с одного маху,
И на дорогу свалился он сразу,
Как труп, мордой вверх и распростерто,

И протянув лапы, так и лежит.
Он же так мог и смерти познать

От мужицкой руки очень просто!

Мужик подъехал – что там за диво!
Слез тот с телеги, за камень живо,
Чтоб зверя добить и взять себе.

Далее видит – лис и не дышит!
«Вот моя выгода», - он сказал тихо,
«На воротник мех будет мне!»

Взял мужичина Никиту за хвост,
Бросил на рыбу и дальше повёз,
Крепко он пел в божий час.

А Лис Никита, хитрый проныра,
Как стал метать с воза эту рыбу –
В ездовой кадке остался лишь квас.

Рыб всех не стало – Лис тут же в ноги,
С Волком столкнулся у ближней дороги
(Волк собирал всю рыбу в снегах).

«Ну-ка теперь, брат Николайка,
Оставил ты рыбки для меня пайку?
Покорми, друг сердечный, меня.

«О, - молвил язвой Волк Ненасытный, -
Вот здесь паечик твой знаменитый!
На, посмакуй, и не подавись!»

Вообрази бездну той злости –
Дал Волк Никите остаток и кости
Из рыб, которых украл смело лис!

Разве не любо для Зайца дело,
Что надирал учитель чуб верно?
Будто не драли никогда всех?

Где ж это видано, чтобы наука
Шла к голове только без бука?
Так всё размазывать – лишь всего смех.

А тот щенок, Гекторик куцый,
Сам и попался на своей штуке!
Кот Мурлыка нам рассказал.

Ту известную колбасу,
За что гундит на Никиту он тут,
Сам тот щенок у кота и украл.

Мой тот брат – муж благочестивый,
Всякий поступок ему нечестивый

Для него словно хрен – всё сердце прожжет!

Вот и проходит уже целый год,
Как держит он твердый всё пост.
В рот свой мясо ничьё не берет.

Я уже сам не раз сокрушался,
Что так от голода сильно, устало...»-
Здесь прервался барсука разговор.

Ишь, и откуда большая компания,
Бог знает, как примчалась незвано
С криком и шумами в царский двор.

Старый Петух бежит впереди,
По два ряда идут позади
И переносят носилки в плечах.

А на носилках Курка лежит,
И род её рядом с нею бежит
Плачи и крики, ох и ах!

Старый Петух пред царственным тронем
Тенором крикнул, рыцарским тоном:
«Милосердия, царь-судья мой!

Вся надежда наша убита!
А убийцу, Лиса Никиту,
Пусть нас суд рассудит весь твой.

Мы никому зла не желали,
В монастыре святом проживали
И ведь случалось не раз

Что видел я: там, у ворот
Лис мышкует, покой не дает.
Хищным своим он глазом нас пас.

Я сии штуки хорошо знаю,
Своим всем детям всегда возвещаю:
«Опасайтесь, не дай бежать бог!

В лес никогда вам не выбегать:
Там ищет нас зубастый наш враг,
Жизнь отнимет он вашу врасплох.

Тут раз стук-стук в ворота сигналият,
И в волосянке, один, перед нами
Вышел Никита, словно монах.

И поприветствовав нас благодатью,
С царской сургучною красной печатью

Письмо открыто имел он в руках.

«Вот вам, - сказал лис, - письмо безопасности!
Говорит царь, чтоб теперь без опаски
Между зверями был вечный покой:

Чтобы братались волки и овцы,
Чтобы я с вами навеки и только
Был вам как друг, как брат и как свой!

И от указа пустынником стал,
И отказался от мяса я сам.
Им полагается зелье и мёд.

Мир вам, дети! Живите вы с богом!
И, поклонившись тогда за порогом,
Вышел он в свет, под большой небосвод.

«Ну, - детям всем тут говорю я, -
Видно, пришла воля! Сейчас из двора
Можно по полю гулять, по стерне.

Радостью радость, и меж нами пенье!
Все мы к воротам двинулись вместе, -
Но не все вернулись к себе.

Только мы вышли, - глядь, из укрытия
Как вскочит на нас лис Никита,
И хапнул дочку мою и бегом!

Я уж тут крикну: «Кукареку!»
Но уже он укрылся в лесу.
Лис был уже далеко.

Я и кричу, и в звоны звоню,
Верные псы в погоню бегут,
Бросились - и, боже мой!

Принесли мне один труп бездушный!
Так вот тот вор такой непослушный
Презирает приказ праведный твой!».

Гневом царь рыкнул: «Ну что, Бабай?
Пост держит острый, кровавый свой пай,
Твой братанок! Видишь ты сам,

Как свою грязную душу спасает!
Нет, конец нужен, чтоб на века знали,
Всем подобным лгунам-хапунам!»

И царь зовёт Медведя Верзилу:
«Чтобы к тебе ласковы были,

Друг, ты меч привяжи!

Иди до Никиты, до лиса, мой сударь,
Чтоб здесь, сейчас он встал на суд мой, -
Строго явиться ему прикажи!

И уважай ту подлюку,
Чтобы не выкинул он свою штуку,
Ибо, брат, он смелый зверек!».

«Смел бы меня он дурить-то?» -
Закричал мишка сердитый
И потянулся в Никитин он двор.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

Эй, в лесу кто вообще не бывает,
Тот и не видел, тот и не знает,
Как Лис Никита наш поживает.

Много ходов и крылец в его замке
Славном, с названием Лисовцы. А также
Много ям он тайных скрывает.

Лис наш Никитка в своей конуре
После трудов отдыхает уже.
Но вдруг услышал: три раза стук!

Из ворот глянул - небесная сила!
Это же сам Медведко Верзило:
В лапах он держит большой страшный сук.

«Эй ты, Никита! Где ты, поганец?
А ну вылезай! Вот я, посланец,
От самого Льва-царя!

Накуролесил ты много зла,
Наш батька Лев зол на тебя.
И искупиться тебе уж пора!

Царь наш зовет тебя в суд:
«Пусть мне сейчас явится тут
Хитрый Никита-лис, гайдамак!

А не захочет войти на мой двор, -
Его на пытки и под топор!
Пусть пропадает, собака, хоть как!»

А Лис Никита, наострив уши,
У ворот пристально слушал
Поток тех грозных медвежьих всех слов.

Думает он: «Как изловчиться,
Проучить дурня хоть раз ухитриться,
Чтобы он гордо не испускал рёв!»

Хитро в щель заглянул лис Никита:
Нет ли какой там засады прехитрой?
Но нет, Верзила там сам!

Ну, он тогда вышел смело,
Его утешеньем лицо всё горело.
«Дядя, ах, здравствуйте вам!

Дядя, вы ль это? Бойтесь вы бога!
Вы ведь, наверно, устали с дороги,
А там на улице жар!

Без духа вы, верно, устали сейчас:
Пот в три ручья везде течет с вас!
Что ж, наш знатный царь

Других он уже послов не имеет,
Что лучших из лучших Лев шлет теперь,
Валит на стариков нынче труд?

Ну, уж вдвойне рад я тому,
Что погостить у меня на дому
Хоть раз какой-нибудь гость решил вдруг.

С маслицем каша - суд для меня!
Вы же мудры, знаю-то я,
Ваш добрый совет от гнева спасёт.

А за меня если скажите слово,
Будет уже для меня все готово,
Царский гнев тяжелый пройдет.

Дядя, одного же мы племени-рода!
С вами один я в огонь, даже в воду!
Только ночь эту еще поночуйте!

Вы поглядите, как небо мрачнеет,
Вы утомились, а у меня
Болит живот, извините, чуть-чуть».

«А отчего же так, боже?» -
«Ох, дядька, страх вам негоже!
Пустынником стал, и не надо, поверь,

Мне мясо есть. Вот должен теперь,
Чтоб грех на душу не брать, соизмерь,
Есть надоевший свой мед каждый день».

«Мёд?»- Аж крикнул Верзила. -
«Мед надоел? Вот божья сила!
Я бы за мед отдал душу скорей!

Где он? Где покупаешь его?
Как мне отгрузишь три бочки всего,
Верь ты - не будешь обижен в суде».

«Мой дорогой дядя, это же шутки!»
«Шутки? Да дай мне всего лишь три кружки,
И я присягой скреплю!

Мед – чудесный райский мой корм!
Все за мед дать я готов,
Больше всего мед я люблю!»

«Ах, как так, мой дядя милый,
Идемте ко мне! Хоть у меня силы
Уж маловато – что тут робеть!

А твой рассказ – то мне голос с неба
С честных людей нужно да требовать,
За силу, здоровье всем порадеть.

Недалеко тут – отсюда лишь только
Будет в дороге с четверть путь-долька -
Охрим-мужик поживает богато.

У него меда тьма вся безбожна,
Что не то что там есть уже можно,
Но хоть и купаться в нем как во злате!»

«Ой!» - Вздыхнул тяжело Мишка Верзила. -
«И на сердце моём заболело!
Ну, Никита, быстро бежим!»

Красное солнце село за горы,
Как добежали они до загона,
Где жил богатый Охрим.

На земле там, близ огорода,
С дерева-дуба колода

Им показалась. И плотник Гринь

Хотел сильно вдоль ее поломать,
Принялся он в неё с кончика гнать
Здоровенный в щелочку клин.

С две уж пяди колодка разверста.
Щель была; но она лишь упорно,
От того не лопнув еще,

Лишь от клина так заскрипела,
Как будто зубы совсем онемели,
Прохрипевши: «Ох, как печет!»

«Дядька!»- Шепчет Никита. -
«Вот бревно то открыто -
Ты бы его пощупал в бок сам!

Хоть и кривая она, и сыра,
Но меда не меряно в ней, - широта!
Отсюда его не раз я таскал.

Смотри, уже в долине темно.
Лежит мужик на перине давно,
Потому ничего ты не бойся!

Ешь досыта во имя боже!
Я постою на страже подольше...
Ну, смело лезь в щель и поройся!»

«Спасибо, небога², тебе!» -
Сказал Верзила. – «Стой, чтоб, наверно,
Не напал злой всякий дух!

Ой, чую я мед!
Ты, лис, стань вперед,
Возьми в руки сей обух!»

И за сим Мишка Верзила
Голову, лапы и свой затылок
В ту запихнул он щель наповал;

Лис тем временем обухом «бах!»,

² НЕБОГА м. об. южн. зап. бедняк, убогий, нищий, калека, увечный; несчастный, бедующий. Небога, в этих знач. и еще в знач. племянника, дальнего родного, осталось доселе в малорос. и белорус. наречья, но употребл. в вор. кур. и др.; встарь говорили небогий вм. убогий. Пословица: Вот тебе, Боже, что нам негоже (что нам не мило, то попу в кадило) искажена из малорусской: от тоби, небоже, що нам негоже. От небогий, небожак или неборак, то же, небога. (Толковый словарь Даля).

Клин из дуба выдолбил так,
Что Мишка Верзила дуб тот поймал.

«У!» - Сказал дуб. – «Есть еще сила!»
И как схватит он Мишку Верзилу,
Что у него затрещал лоб.

«Дядя!»- Крикнул Никита, -
«Правда, щель знаменита?
Знал мужик, где прятать мёд!».

А Медведя так зацепило!
Стонет, ревет и воет Верзила,
Но дуб трещит и не поддается.

Дергался дядька, качаясь и вея,
Стали трещать и лапы, и шея,
Но вырвать их вместе не удастся!

«Дядя», - Лис молвил, - «Как слышу,
Очень медок вам пригодился,
И, наверное, вас пчелка кусает.

Ешьте ж, но меру не забывайте.
Ибо, как только объестся вам, знайте,
Мед вам брюхо поднимет и сдавит».

А Медведю уже не до меда!
Крутится задом, а спереди тот же
Дуб держит крепко, словно в клещах ...

Он и тут шаркнет, там дернет, шатает,
Дальше от боли реветь начинает,
Аж услышали в небесах.

Лис на клич его отвечает:
«Ишь, как дядька свой клич напевает!
Дядь, что за в рёве нужда?

Дядя, дядя, будьте вы тихи!
В доме свет - уже будет лихо!
Дядя, черт несет мужика!»

А Охрим, богатый мужик,
Проснулся и слышит, - что там за рык?
Выглянул он из квартиры –

Что там за чудо? Рядом с колодой
Что-то чернеет ... Может быть, воры?!
Взялся мужик за секиру.

Выбежал из дому, чтоб приглядеться,
Видит: Мишка брыкается с бревном на месте!
И громкий крик задирает Охрим:

«Эй, дорогие соседи, сюда!
Мишка попался вот здесь, у бревна!
Эй, Медведя бить побежим!»

У! На селе вскипает тревога,
Как стая серых волков у берлоги,
Сорвались мужики.

В чем кто был, в том выбегает,
Что попадает, то и хватает,
Как оружие в руки несли.

Только прискочат к Верзиле -
У кого цеп, у кого вилы,
У баб кочерги на руках,

А Охрим с увесистым обухом -
Бросился к дядьке-Верзиле с топотом!
Только ба-бах и трах-тара-трах!

Боль добавила силы Верзиле:
Как пришаркнет – о, боже милый!
Шкуру со лба всю содрал!

Еще раз он дернул - и вырвал лапы,
Но шкуру и когти-царапки
Дуб, как свое, всё забрал.

«Вырвался! Вырвался!»- Люди вскричали
И врассыпную от зверя бежали,
А Верзила бух-бух!

В лес, бежит в коряги мгновенно,
Лег и стонет он утяжеленно,
Словно выперли из него дух.

Тут движется к дяде лис Никита.
«Ну, дядька», - молвит, - «пресыта
Ваша душа? А мед вам хорош?

Вы в порядке? Поели?
Хотите, вам я каждодневно
Справлю обед такой, будь здоров!

Ой, а я чуть не плакал,
Как там с вами мужик балакал:
Я уж думал, что будет он бить.

Ну, и видится мне, вы там вежливо
С ним расстались, - несколько, верно,
Вам за мед пришлось заплатить.

О, что я вижу! Вы в сапоги ли,
Как на залеты, поднарядились,
С обилием красных ремней!

А эту шапку червонную
Где вы купили? Или до дома
Несете дочке своей?»

Так Лис Никита над ним насмеялся,
А дядька Верзила лишь заметался
И заворчал, рыдая, под нос.

Только на день третий поступью
Он со своей бедою тяжелой
В царский двор едва сам приполз.

Как увидел царь Лев умом ясный,
Что Медведь такой уж несчастный,
То аж руки чуть не уломал.

«Эй, Верзила, друже мой милый,
Кто забил тебя это так сильно
И шкуру с тебя ободрал?»

«Царь, господин!» - Воскликнул Верзила, -
«Горе меня понастигло!
Это Никита Лис всё виноват.

Мук много через него

Принял я, - ох, и мало того,
Я свою жизнь чуть не потерял!»

Ух! Затопал царь-Лев ногою!
«Я златою короной вот тою
Заклинаюсь: не избежит

Этот преступник злой кары-муки!
Дайте мне его в руки,
Чтоб не дождался до завтра пожить!»

Дальше немного мысли он сладил
И с сенатом вопрос тот поставил:
Чтобы Никиту взять на капкан,

Постановленье имел он великое.
И подозвал царь Котейку-Мурлыку
И ему говорит так:

«Ты, мой верный Котейка-Мурлыка,
Хоть и осанка твоя не велика,
Но всё-таки умный ты за всех трёх.

Вот тебя шлю я: пойди-ка уж ты
Сам до Лиса, сам до Никиты,
В воровской его погреб, дай бог.

И говори, чтоб незамедлительно
Он был в дворе царском безпромедлительно!
Пригрози ты ему: просто так

Не пройдет он и крюк, и тяженьких пут,
Как не появится на суде тут
Никита, Лис-гайдамак!»

Котейко-Мурлыка Льву поклонился,
И на дорогу он снарядился,
Хотя по коже его дёр мороз;

Страшно не рад был той чести, хоть тешь,
Но что царь дал, до остатка и ешь!
Спорить не смог.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Котейко Мурлыка к большой дороге

Взяв хорошо за пояс ноги,
В сумку сунув печеную мышь,

Неспешно лесочком холодным
Под вечерок самый темный
Так он дошел до Лисовец под тишь.

Стукнул в ворота Мурлыка, ждать стал...
В форточку лис наш выглянул сам.
Тот Никите в ответ шапку снял

Сделал поклон ему низко,
И поприветствовал его быстро,
И такие слова вот сказал:

«Не гневись, Никита-нанашко³!
Вам не принес я пустую бумажку,
Но гневный царский приказ:

Второй раз царь Лев, наш властелин,
Через посланца один на один
На свой суд зовет вас.

Что тут долго вам говорить!
Царь наш на вас очень сердит,
Потому вам идти мой совет!

Царь мой поклялся себе на короне:
Как не дойдете до его трона,
Пропадет ваш весь род от бед».

«Мурлыка!- Воскликнул Никита.
Вот и не ждали такого визита!
Боже, уж как я рад!

Ну-ка, иди в объятия мои!
Молвить о том не смеем мы,
Чтоб стоять, идти ли назад!

А ведь Лиса, тетка твоя,
Изредка так видит тебя,
Что нас не пустит под ночь.

³ Кум по-малорусски. Впрочем, существуют и другие значения этого слова, употребление которого встречается и в Молдавии (<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=133422>).

А мои малютки лисята,
Но они пустили бы брата?
Нет, вещь невозможная, гость!

Ужинать будем мы хорошенько,
Проспимся потом, а завтра раненько
Прохладой - и в божий путь!

Я о царском суде преспокоен.
Что до советов, пойду я с тобою,
Твердым об этом ты будь!

Ан с Медведем другое дело!
Ты разумей: пришел тот Верзила,
Как разбойник, в двор мой.

И ко мне с криком и фуком,
В лапах с огромнейшим буком -
А я зверь слабый, малой!».

«Ой, нанашко», - изрек Кот Мурлыка, -
«Ласка так ваша велика...
Что мы лучше не подождем!

Чудная ночь нам светит луной...
Вы попрощайтесь с детьми и женой,
И в путь без поспешки пойдем!».

«Мурлыка», - сказал Лис, - «ты разумей же!
Ночь нам не тетка, не на телеге
Будем мы мчать или езжать.

Лазает лесом всякая дрянь,
Ну и кто нас отвезет там?
Ни защититься, ни убежать!»

Вскинули все те слова
В дрожь большую Мурлыку-кота.
«Ваша правда», - так он сказал.

«Может, мы на ночь остаться должны
Чтоб поживиться, так ты скажи,
Где что-нибудь я здесь бы достал?»

«Что ж, не сердись, наш кот деловой!
Зверь богомольный я стал такой,

Держу твердый пост изо дня в день.

И уж тебе я приобрету
Вкуснее, что есть лишь, найду:
Ложечку меда только сам съешь!».

«Меда? Тьфу!»- Отказался Мурлыка. -
«Пусть Верзила мед того лыка!
Им меня ты не корми!

А в вашем поместье
На задворках там есть ли
Порядочный мышь хоть один?»

Лис Никита Мурлыке сказал:
«Шутишь ты! Я турка даже
Мышами бы не потчевал!

Что ты выдумал, боже!
Мыши есть! ... Милый мой! Всё же
Я о таком не слыхал!

И как мышей ты пожелаешь,
Кот дорогой, - тут их снимаешь,
Что хоть ими гати пруди!

Здесь, у сельского старосты дома
Мой хлопец, мышей тьма да темна,
И близко нам там идти!».

«Ах, мой нанашко наимилейший,
Ведите меня скорее же к мыши!
Очень я к ним сильно привык!»-

«Хорошо! Так за мной же иди!»
И вдвоем сорняками полезли они
Туда, где курятник старостный был.

Там была в стенке дырка пробита,
Ею часто наш Лис Никита
В курятнике ночью гостил;

Крови пустил ещё вчера
Сельского старосты петуха,
Что он и дух испустил;

От злости староста, покрасневши,
У петуха лишь перья узревши,
Крикнул: «Нет, уж не потерплю!

Должен я вора поймать!»
И у окна дал привязать
Из веревки большую петлю.

Лис Никита это пронюхал
И говорит: «Мурлыка, послушай,
Как там мышки начнут попищать,

Как воробьи безобидные!
А вот и здесь дырочка в глине -
Только лишь влезть да хватать!».

«А безопасно тут ли, нанашко?
Сейчас за беду мне не тяжко,
А войти – то – народ хитрый там!»-

«А», - коварный Лис говорит, -
«Кто чересчур боязлив,
Пусть такой покинет труд сам!

Внутри никогда я там не бывал.
Об ухищрениях я не слышал,
Но струсил ты коли,

Раньше пойдем мы до дому,
Пужинаем вместе по-своему:
Редьку с медовыми сотами».

Кот Мурлыка сконфузился.
«Что я, думаешь, струсился?»
- К Никите откликнулся он. –

«Не кошачье страх дело!»
И кот в дыру вскочил смело,
И шась да раз! Попался в силок.

Ой, повис он в воздухе так,
И по движеньям тем, затрепав,
Горло шнур сжал сильнее еще.

Прыгнул - к двери косяку он преткнулся!
А наверху, где брешь проклятущая,

На это предатель-Лис смотрит всё.

«Ну, что, Мурлыка мой наимилейший», -
Сказал он, - «нравятся мыши?
Правда, какой у них чудный смак!

Хочешь ли соли? Я позову,
Или у старосты сам всё займу, -
Или изволишь все есть и так?...

Ого-го-го, и уж ты поешь!
Но славный голос в раз ты даешь!
Ах, тенор! До смерти люблю

Жалобно, в душу аж льется!...
Ох, ей-богу, я плакаться должен...
Ну, за концерт я благодарю!».

Дверь распахнулась неожиданно,
Вспотевший раздетый староста,
Сам один падает с палицей с боем;

А за ним сыновья и прислуга,
Этот с ремнем, с буком другой -
Вот где Мурлыке беды бедою!

Староста крикнул: «Бейте же вора!
Вчера моего петушка он нам дернул!
Бейте ж, пока не спустит он дух!»

И бах - тарах! Залетают удары ...
Мой Мурлыка из уст и ни пары,
Как ослеп, так и оглох уж.

«Бей!», - кропить начал староста, крикнув.
Впрочем, кот скок! И как хватит Мурлыка
Старосту пана за самый нос!

Хруп и хруп, как мышку большую,
Рожу когтями разорвал всюду,
Словно разгреб черт гречку вразнос.

«Караул! Помощь!» - От боли так вскрикнув,
И староста рухнул, как сноп, руки вскинув,
На пол. Все к нему. - «Эй, светите, светим!

Эй, где вода? Эй, где губки и ваты!»
Бросились кровь все останавливать, -
Уже и тот Кот не в голове им.

А тверда у Мурлыки натура:
Лишь дух перевел и до шнура,
Взялся грызть его и кусать.

Дальше он так рванулся вовсю,
Что лопнул шнур, и в ту же минуту
Кот свободно мог ускакать.

Ну, от мышей он отказался
И в курятнике не озирался,
А, задрал хвост, как мог,

В дыру драпанув да в леса побыстрей,
А лесами, как от чертей,
Во двор царя просто прибег.

Как увидел зверей царь разбитого,
Как кислое яблочко или корыто,
От злости зеленым стал Лев-батька.

«Что?» - Как крикнул он громко. -
«Иль смеет отродье то всё также снова
Над моими словами смеяться?»

Нет, уже много того! Всё в разнос!
Будь бы я сам пес и мой отец пес,
Если ему это я, Лев, прощу!

На гайдамака нашлаю войско я!
Скоро поймаю, - на сук хитреца,
И всё гнездо его сокрушу!».

Грозно зверей царь топтал и ревел,
Был бы здесь Лис, он с костями хрустел,
Если б имел его на руках.

Только когда прошел гнев безмерный,
Покорный Бабай выступил, мерно
Взял и сказал свое слово на двор:

«Царю, дело явное здесь, и не скрыто,
Что вольный казак есть наш Лис Никита,

Право же говорит трижды звать

На суд твой виновного, сударь.
Лишь когда в третий раз он не будет
Идти. Суд заочный нужней выдавать.

Что в том правды или лжи где,
Что клепают о нем всегда и везде,
В то не вхожу, - и для всех это

Равное право! Поэтому шли ты
И меня еще к Лису Никите,
Чай, придет к ногам твоим лесом».

Царь махнул только головой,
Дал знак согласия своей булавой,
И ни слова он не сказал;

И собрался Бабай неспешно,
В путь поспешал, и идти мерно
На ночь в Лисовцы он стал.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Лис себе в вечернюю пору
С детишками возле двора
Разговаривая, гулял,

Вдруг голос в дубраве
Назвался: «А, будьте здоровы!
Вот и добрелся я к вам!»

«Ах, ну Бабай, старик! Ты ли это?
Какую-то важную новость, наверно,
Решил донести ты до нас!

Ты устал и грустишь, иль тоскуешь?
Ну, быстрее в хату! Теперь заночуешь,
То и будет нам толковать час».

Хорошо все здоровались дружно,
Распростились о здравии путно,
Выпил вишнячку Бабай,

Сел на завалинку и отдыхает, -
А о царском дворе Лис всё спрашивает:

«Ну, говори, не вздыхай!»

«Эй, опомнись сейчас же, мой сын» -
Так услышал Бабая слова Лис, -
«Что за убытки делаешь ты?

За что издеваешься ты над послами?
Или боишься ты вправду ли
На тот суд царский идти?

Думаю я, сынок милый мой,
Что сможешь ты в минуте одной
Врагам заткнуть рот.

Все их мозги глупые ведь
Супротив твоего стоят щепки, поверь!
Такой-то весь их народ!».

«Правду ты молвишь, старик дорогой», -
Рёк Никита, - «и ты к большой
Охоте подводишь меня для утех.

Пусть все увидят! Что ж, я пойду!
Кто посмеется, заплачет вовсю.
На милость царь сменит гнев!

Хотя там он на меня лютей,
Он знает, что если в минуты
Опасные, как в черный день только,

Все твердят невпопад,
Но мудрый совет лишь дать
Лис один умеет и может».

И вошли они оба в светлицу,
Приветствовал Бабай наш Лисицу,
И вместе все сели за край стола.

Лисята Мина и Митька
На коленки вкрались по-быстрому -
Живо беседа пошла.

«Очень свирепый царь там, Бабай?»-
Спросил Никита. – «Знаю, всё знаю я,
Жаль ему тех мук медведя того!

И у нас был старый счет, -
Долго ждал я на случай тот,
Чтобы достать в руки его.

Поэтому еще немного лет,
Как Верзилу Лев, наш отец,
Губернатором произвел

На наши подгорные боры,
Чтобы дела зверей и их споры
Все по истине-правде судил он.

Вот и Несытый Волк меня
Взъялся душить по-злому тогда,
А имел он сговор с Верзилой;

И на суд губернаторский малый
За мой помысел гениальный
Первый раз меня позвал мигом.

Слушай, друг мой! Что был за помысел?
С Волком раз как-то, голодные очень,
На еду вышли мы.

День. В церкви где-то колокол звонит, -
И нас голод из леса гонит
Среди лютой зимы.

В село мы идем осторожно,
Нюхаем, где бы нам можно
Что-нибудь масляным там поедать, -

Вдруг сала и мяса сильнейший запах
Не только в носу, но даже аж в лапах
Закрутил нюх нам - хоть здесь прямо сядь!

Сии хорошие благовонья
К поповской местной кладовой,
Как по нитке, нас довели.

Стали мы вокруг нюхать,
Везде безопасно и слушать,
Тут и окошко нашли.

Страх как тесное было окошко.
«Лезем, Волк?» - «Лезем уж точно!

Ты первый лезь!» – Волк молвит тут, -

«Глянь там, где нет ли железа!
За тобой позже и я полезу -
(Так Волк говорит) – не бойся и лезь, друг!»

Выгодно я, проникнув, довольно,
Всё разглядел. «Лазай свободно!» -
Так я Несытому Волку сказал.

Голодный был он и тоненький,
Ну, и в отверстие то узенькое
Едва своё тело в окно пропихал.

А в кладовой – боже наш крепкий!
Мир затмился нам до крупинки,
Столько добра там было для нас:

Мяса, сала и буженины,
Палки плетей солонины
И длиннющие ряды колбас.

Стал я думать и рассуждать,
Как нам здесь похозяйничать, -
Но языком мой Волк ошалел:

Первый полоть хап он зубами!
Рвет, кусает, грызет всё без памяти -
Встал и ел, и, знай, засопел.

«Ну», - думаю, - «кушай так, боже!
Но для меня это есть так негоже».
За колбасу я берусь.

С жерди легко их снимаю,
Сквозь окошко выбрасываю,
Пока этак все стряс.

А за ними и сам в окошко
Выскочил и давай скоро
Надевать всё на шею.

Нагрузил добро, как кораллы,
И в лес всё дальше и дальше -
Спрятать скарб в яму быстрее.

Скарб в яму спрятав,
Спокойно позавтракав,
Вновь к кладовой я бегу.

Прибѣг: стрижет Волк пастью ещё!
Не доев, полоть бросивши, он
С сала пошел на дежу.

«Волк», - шепчу, - «бежать в рощу время!
Из церкви вернутся люди уж, верно, -
Чтоб здесь не застал нас никто!»

Волк, услышав это, рванулся,
С испугом прытко и в дырку метнулся
Но шею лишь сунул всего!

Видишь - был полный, как бочка!
Встал в дыре, глаза только косо
Выпучил, словно шарика два.

Страх отнял речь у него...
Я кричу: «Чего стоишь снова?
Ну, какая беда?»

Волк не смыслит уж, что там делает!
Лезет в дыру, даже потеет,
Но зря совершается весь его труд.

Дальше с отчаянья лютого
Заломил Волк передние руки:
«Лис», - говорит он, - «погибну я тут!»

«Волк», - говорю я, - «иль ты одурел,
Или от сала ты опьянел?
Скорей вылезай, ведь нам пора в гай!»-

«Ой, не могу, мой Лисуня!
Видишь, пуза здесь я не просуну!
Ой, Никита, быстрее помогай!»

Ну, Бабай, скажи мне сам ты:
Что смогу сделать я там? Как поступить,
Как бедному Волку помочь?

Оставлю Волка - он может погибнуть.
Лучше, я думал, его мне не кинуть,

Но к попу да пойти

Попросить мне по доброй воле,
Чтоб он пилю дал и так вот позволил
Вырезать там большую дыру.

Задумавши вещь ту хитро сию,
Говорю Волку: «Жди, я подойду!»
И к духовенству прямо деру.

Поп был собственно в комнате:
В послеобеденном настрое
Трубку, ходя, он курил.

В окно я тут же заглядываю,
Лапой шкряб-шкряб, умоляю,
Чтобы окно он отворил.

Поп посмотрел и подбегает ...
«Эй, лис там в оконце заглядывает!
Лови да беги! Там его вид!»

Я не заметил, а все за мной
Ринулись слуги, служанки толпой, -
Что было духа я за плетень вмиг.

Крик за мной, как в плавильне большой...
А лишь бегу я к самой кладовой
И спрятался там под помост.

Здесь слетелась погоня угрозой:
«Где он? Где лис тот?» – Слышатся спросы. -
«Лишь показал нам свой хвост!»

Впрочем, взглянули, а там из окошка
Волк Несытый напротив солнца
Выглядывает! «Ах, это ты тут?

Ой, несчастная наша головка!
Ведь это Волк! Бейте же Волка!
Здесь ему сделайте мигом капут!»

Волк их не ждал там,
А в кладовой и спрятался сам,
Совсем одиныхонько стал в дверях он.

Вот как они отворили,
То Несытый скок тотчас в силе -
Воспользовавшись щелью, и вон.

И получил там с диковинки стук
И столько через крестец буков,
Что едва так до леса дошел,

И о сём деле немилым
За раз один Мишке Верзиле
Он на меня жалобу внес,

Хотя за лакомство должен спасибо,
А вероломство на меня, видно,
Со злобой, изменой наклепать стал.

Ну, а думаешь, Медведь сам
Все как следует да разобрал,
По закону он поступал?

Где тебе? Судья-то лакомка,
Как узнал о колбаске со вкусом,
Что я с трудом разобрал,

Как взревет на меня туго:
«Сейчас отдай все, ворюга!
Ты колбасу воровал?»

«Ты отдал?» - Бабай спросил.
«Что ж было делать? Верзила
Хотел мой хвост срубить ведь!

Чтобы отдать все - а дудки!
Штыри отдал ему тонкие штуки,
А себе оставил еще шесть.

Вот так Медведем и судится дело:
«За побои, за унижение,
Волку должен ты колбасу!

Остальное я съем. Ты, Никита,
Рад будь, что тебя не побили!
Марш, ибо кости все разнесу!»

Так-то судил нас Верзила!
Ох, как горько меня то вшпилило!

Клятву я дал на царский хвост:

«Как его достану я в руки,
Так за все те подлые штуки
Тяженько он и ответит по-барски».

Подоспела потом и вечерня;
С топлеными перьями тетерев -
Не всем его доставало.

Как хорошенько все поживились,
Кое о чем разговорились
И на печку пошли спать помалу.

А как рано все встали -
Хорошенько позавтракали:
Ели сало с чесноком,

А затем гусиной потравкой
Закусили сию же приправку
Копченым еще судаком.

Тогда Никита-Лис снаряжался
К дороге, и он так прощался
С хозяйкой своей и с детьми:

«Жена дорогая, будь же здорова!
Пора мне добраться до Львова,
Потому ключи все прими!

Как следует наблюдай в кладовой,
Ибо мыши воровать скорые, -
А обо мне не горюй!

Хотя теперь на нас царь-Лев лютый,
Но легко ему может быть будет,
Что улыбнется когда-нибудь.

А вы, мои детки, да не шалите,
Вне дома в лесу не скачите,
Маме не делайте убытков много!

Глянь-ка, старик, что за зверёк
Тот Митька! Кто ж поверить бы смог,
Что ему год еще только!»

И своих деток поцеловав,
Жинке в ухо всё пошептав,
Что там еще сказать смог,

Лис Никита, как в гости,
В город Львов, встречу царской злости
Вдруг с Бабаем побрел.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

Гу-гу-гу-гу! - Во дворе загудело,
Как бог сам знает, какое там дело -
«Лис подоспел! Никита вон тот!»

А Никита как будто не чует,
Гордо и смело там марширует
Меж рядами врагов.

Перед тронем остановился,
И Льву-царю он поклонился,
И такие слова лис сказал:

«Царь-Лев ты наш великодушный!
Твоему слову послушный,
Я на твой суд правый стал.

Верю в величие твоего духа,
Не преклоняй своего слуха
Ты худшим обманщикам,

Что ложью, брехней и байками
Рады разладить бы всё между нами,
Рознь сколотить в ущерб нам».

Но царь смотрел на Лиса понуро
И да как крикнул: «Подла креатура!
Еще и здесь ты вертишь хвостом!

Смеешь прав своих добиваться!
К нам еще хочешь опять подлизаться!
Нет, уж нас не польстишь о своём!

Смотри, в трауре вот Петух там!
Кот Мурлыка при тебе сам
И Верзила-Медведь, мой барон!

Понимаешь их боль, позор или муки?

Эй, бери лиса в руки
И к трибуналу! И вон!»

«Царь», - смирно рек лис Никита, -
«Так явная ли тут открыта
По ним вина моя?»-

Что Верзила-Медведь был упрям,
Очень мужицкий мед заедал,
Так же виноват я?

А Мурлыка, - боже, о боже!
Он жаловаться еще может?
Кто ж на охоте не примет

Драки, невыгод тех подобных?
И разве для бедных мышей особой
Конституции мышью нет?

Говорят: вор я, мерзавец!
А Мурлыка-Кот, твой посланец,
Потому и не меньший головорез.

Потому-то ли для воровства,
Убийства и кровопролитья тогда
Он в щель ту полез?

Царь, я подданный верный!
Как такой твой гнев безмерный -
Дай насмерть меня осудить!

Дай малых преступников вешать,
Чтобы великих тем пусть потешить!
Если так - не стоит и жить!»

Но царь Лев не вел и своим ухом!
Взяли Лиса-Никиту раз духом,
Связали и повели

В суд грозные стражники;
А в трибуналах все важненько
Старики заседали: козлы и ослы.

Встал Никита и разговаривает,
И старый пан Осяка черкает,

Уже пять лет, как оглох,

И присудил так: «На ветке
На веревке Лиса повесить,
Пока дух не выйдет и сдох чтоб».

Волка, Мурлыку и Мишку
Услышавших это, великая
Радость обвила их ум.

А теперь в палачи избрались
И Никите-Лису грозились
Причинить смертью глум.

Лиса вывели. А тот Верзила
Трах его прилюдно по рылу!
«То за сапожки мои те, злодей!»

Волк еще сам для худшей муки
Взад Никите скрутил сильно руки:
«Не уйдёшь теперь от ветвей».

Кот Мурлыка уже на ветку
Забрался и силок крепкий
Бечевки связал что было сил,

Крикнул он ворону еще умышленно,
Чтобы Никите, как он повиснет
Тут же глаза со лба пил.

Кто лишь живой, смотреть все сошлись,
Как будет вешаться Лис:
Как стена, стала стража вокруг.

Идет, как курица мокрая, Лис молодцом,
Сзади Несытый Волк гонит пинком,
А Верзила Медведь водит за шнур.

«Не бойся», - молвил Несытый, -
«Не думай, что сразу лихо
Задушим мы тебя так в забой.

Будешь болтать еще лапками,
Пока Крот под дубом тем ямы
Не выгребет в рост лисий твой».

Обернулся Лис до него:
«Что ж это»,- молвил он, - «прочного
Шнурка не нашлось у вас?

Мог вам Кот достать, дорогой мой,
Того, что на нем плотно под головой
Так сам болтался у старосты раз ».

«Замолчи ты!» - Рывкнул Верзила, -
«Чтобы язык тебе зацепило!
Еще не бросил шуточек ты?

Гляди, ждет виселица грозно!
Кайся, чтоб не было поздно,
Грешную душу очисти!»

Привели под дубовую ветку его,
Насадил на шею петлю узлом,
И на лестницу лис наступил

И, обратившись к толпам и к миру,
Он поклонился царю-Льву правдиво
И он вот так всё проговорил:

«Наступает уже нам година,
Ох, для зверей она всем одина:
Скоро и вечным сном я усну.

Царь наш, тебя умоляю,
Мне по обычаю давнему
Просьбу исполни одну.

Здесь в лице смерти и гроба
Хочу обнаружить всю злобу,
Исповедать мне всех грехов,

Содрать покров со всех проступков,
Чтоб по моей кончине попутно
Никто не терпел за мое зло».

Так и сказал, всем поклонился
И тяженько да прослезился,
Сдвинул хищник все души;

Задумался царь на минутку,
Жезл склонил вниз угрюмо

И сказал: «Пусть так и будет!»

Лис Никита бьет себя в грудь:
«Православные, честный мой люд!
Много, много грешил я всегда!

Есть ли хоть один между вами,
Кто делом бы или словами
В памяти доброй оставил меня?

Ведь от детства сам я собою
И приучался к разбою,
Хотя отец ругался не раз.

Бедные куры, гуси, утки!
Сердце во мне рвется вот тут-то:
Как трепал, грыз я вас!

Был я так штучка мала,
И «от личика до ремня»
Все дальше лез, дальше камнем:

Уж ягнят и козлят,
Что отбежали прочь от пап,
Я хватал и нёс в яму.

Так бежал ко злу путем битым!
Побратился я с Волком Несытым:
Он в зле учитель был мой.

И коль ныне стою я покойно
Под смертельной вербою,
То его заслуга вся в том.

Вот раз на новины зимой
Мы союз такой воровской
Завязали: мелочно я,

А Волк велико должны воровать,
А что результаты – то в равную часть;
И теперь кара так бьет меня!

Но как пришло делиться,
То никогда, как годиться,
Волк половины не принимал:

Заревет он - и пискнуть не смей!
Хотя б треснуть должен, а сам ведь,
Всё до крохи сжирал.

А как порой грубую штуку
Нам удалось поймать в руку,
То Несытый как уж силен,

Уже Волчица здесь с сыновьями!
Мясо почти всё с костями
Хавкнуть - раз не пройдет.

Ведь помню так, как сейчас:
У хозяйки одной как-то раз
Ночью вылез я на чердак;

Висел там у печки огромной
Солонины полоть хороший, -
Ну, и его след достал так...

Говорю: «Волк, ты дери крышу,
Я в утешенье нам быстро
С вешалки живо сей полоть сниму».

И полез я на балку мигом,
Долго мучился, пока скинул
В рот солонину ему.

Волк хап мясо - и стрекача!
Но собрала еще похоть меня
На ужин курицу взять:

А у той уснувшей хозяйки
На близенькой балке
Спал кур длинненький ряд.

Подоткнувшись по балке,
По ней, как по дратве,
К курам я уж подлез.

Сердце бьется ... темно и тихо ...
Вот в моменты такие-то, верно,
Шутить любит бес.

Вышла же мне и ермолка!
Я думал, что с краю Курочка,

А то Индюк крепкий был.

Я на Курицы шейку измерив,
Индюку в крыло и нацелил -
А как Индюк поднимет-то крик!

Я зубами за теплое цап,
А встрепенулся крылом Индюк как!
Даром, что старый я Лис, -

Мир мне вокруг закружился,
Я покачнулся, шатнувшись, свалился
С Индюком бабах вниз!

Ну, и имел приключенье здесь я так!
Полетел вниз, и не в чердак,
А на гумно в сени упал.

Ударил так по целому маху,
Думал: кость каждую разом
Как в ступе большой запихал.

Тут не конец моей бани!
В сенях был я, как в каземате,
Некуда было мне выйти вниз.

Вот запихался я в уголок
И завернулся в клубок:
«Тихо! Беду пережду!»

И бесполезно надеялся!
Слышу я голос: «Эй, Андрейка!
А ты глянь до сеней!

На чердаке там что-то кричало
И в сени что-то упало!
Ну, Андрей, встань-ка, эй!»

Слышал: что-то батрак заворчал,
Встал, что-то заскреб, постучал, -
Светом светил он, наверно;

Дверь открывает далее,
Ночник в руках держит малый:
«Что за черт здесь грянул прескверно?»

Глянул! Индюк по сням проходит.
«Вот кто здесь крики заводит!
С насеста Индюк наш упал!»

Впрочем, взглянул в угол нечаянно ...
«Ай! Хозяйка! Быстрее вставай-ка!
Гость здесь пожаловал к нам!»

«Что там за гость?» - «Да Лис тот Никита!»
«Бей, Андрей!» - «Чем же мне бить-то?
Встаньте с подушек скорее!

И без труда мы оба ворюгу,
Поганую ту приبلуду
Живо поймает в мешок побыстрее».

Пока там она собиралась,
Вблизи батрак присматривался,
Знай, на меня с ночником.

Я сижу, дрожу, всё чую
И всё себе так вот думаю,
Как бы сбежать отсюда живьем?

Вот лезет хозяйка в сени;
Того и ждал я, как двери
В комнату вскрыет она:

Шась ей быстро под ноги,
В дом попал и с порога
Просто скачу до окна.

Стекло высадил из разгона,
Красную вену на коже
Не одну я скovyрнул;

Ну, и вырвался быстро на волю.
И садом, затем по чистому полю,
Словно безумный, в лес темный махнул.

Долго бегал без остановки,
Пока наконец в дебри к Волку,
Едва дыша, подошел.

«Ой, Волчок! Я аж погибаю!
Дай крохи мяса чуть малой,

Что для меня ты сберег!»

«О, сберёг!» - смеётся Несытый. -
«Тем ты, наверно, будешь сам сыт:
На и знай дар щедрый мой!»

И - посудите подлую штуку!-
Дал мне дубовую клюку:
Вешают полоть на той.

Такое сказать вот я должен:
Лишь на душу брал я грех злостный,
Что с ним в союз воровал,

Но не имел и пользы за грош
И без своего пропитания, что ж,
Мог бы, с голоду так и пропал.

Но не заботился я нисколько,
Славный клад древний царя Гороха
Имел я в своих руках!

Клад такой безмерно богат,
Что мог бы едва забрать
На семь тележек в мешках».

Лев, о кладе таком услышав,
Насторожил уши пристально сам.
«Лис, что это говоришь ты?

Думаешь ты о кладе каком?
Или клад есть тот еще всё?»
Лис ему молвил: «Да! Видишь ли,

Царь», - он сказал, - «господин милый,
Перед входом тёмным к могиле
Я и души не утяжело!

И чего никаким светом
Не сказал жене бы и детям,
Это тебе я всё расскажу.

Знай же, царь, грубый клад тот
Гибелью статься быть мог
И несчастья источником явным.

Не укради его твой Лис Никита,
Кровь была бы твоя пролита,
Случился бы перелом страшный!»

Лев, как будто ужаленный,
Вскочил, зарычал, как ошпаренный:
«Что, что это ты мне сказал?

Что за дуб это паленый?
Перелом? Гибель? Несчастье?
Всё рассказывай, чтобы я знал!»

Говорит Лис: «Я царскую волю
Советов исполнить, я молю только,
Выслушай ты меня сам.

Только тебе и княгине твоей
Открою сейчас я важную вещь
И клад Гороха отдам».

«Эй, с него снимите все путы
И его поведите вот тут-то!»-
Громко крикнул Лев палачам.

Неохотно те развязали
С пут Никиту и размышляли,
Что он наврет ещё там!

А Никита, почувствовав волю
И вздохнувши свободно,
«Слава богу!» - Он прошептал. -

«Ну, когда не рад подыхать,
Наострись-ка хорошо врать!»
С тем пред царем он и стал.

«Ну», - царь говорит, - «сядь, Никита,
Смело все говори и открыто,
Но правды не путай, не смей!

А как соврешь, то, ей-богу,
Не за шею, а за ногу
На ветках будешь висеть!»

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

Слушайте, как Лис Никита
Крепко, как конь с копыта,
На ложь пустился и лезть!

Чтобы лишь на ветвях не погибнуть,
Не задумавшись, камень он кинул
И на отца своего честь.

«Царь и весь народ честный!
Горе большое, лютое крепко
Бьет меня по заслугам, как страсть!

Душу отдам за воровство,
И должен я об одном
Страшном вам рассказать.

Как-то тому пятнадцать лет,
Как мой отец - в каком и где
Месте, кто это знает – напал он

На славный клад царя Гороха.
И добра ему этот нисколько
Проклятый клад не прибавил.

Отец мой был гордая штука.
Была финансовая наука
Специальность любимая его.

Менял краску он, царю всё льстив,
Чтоб министром финансов стать лишь,
И страхом острился на то.

Но ты, царь, хитрость скрытую
Проглядел и прогнал Никиту,
А стал министром пан Рысь.

И ушел мой отец в пущу,
И понес думу он злющую -
Прежде тебе отомстить.

В пуще нашел клад заклятый
И начал рассуждать он,
Чтобы большой бунт поднять,

Чтобы царя свергнуть с трона,
Царскую славную же корону

Чтобы Медведю отдать.

Огромный союз собрал он.
Кота шлет Мурлыку с письмом
К Верзиле: «Так и так.

Льва мы хотим сбросить с трона;
А как его ты корону
Взять хочешь, нам пришли знак».

Ну, на весть такую Верзила,
Вроде его ужалило сильно,
Сам вскочил и прибёг.

«Братья», - сказал он, - «я с вами!
Или ляжем теперь головами,
Или Льва завяжем в мешок!»

Отец мой и Кот Мурлыка,
Волк, Верзила и вся великая
Их родня - все сошлись

На бунт и на измену черную,
Братоубийство, распрю лютую кровно
Торжественно все поклялись.

С окраин чужеземных премного
За клад Горохов наемного
Войска могли навербовать.

Подслушал я их весь стговор,
О ее страшной основе
Стал я пристально размышлять.

Я Верзилы хитрую злобу
Хорошо знал, его особу,
Непочетную и смешную,

Стал, пан, с тобой равнять.
Я говорю: «Сие пугало станет
Нам царем? Ну, отец, ну!

Знал ты, где клад найти превеликий,
Но беда, когда ты владыки
Найти лучшего не умел!

Где Верзила есть царь народа,
Там пропала и честь, и свобода,
Правды глас онемел».

И голос с неба будто
Звал меня: «Нужно, нужно
Завязать предательству рот!

Хоть тот предатель - отец твой.
При царе верно ты стой!
Будь, Никита, ты патриот!»

Так поразмыслив я гладко,
Ждал, и мой батька,
Как условие было, ты знай,

Там у тех предателей темных,
Войск на вербовку наемных,
В соседний двинется край.

Раньше, уже в новины,
Я ту землянку выследил,
Где мой отец спрятал клад;

Ну и теперь я без промедленья
Выносил ночью и денно, -
Всё подчистую забрал.

И небольшое время проходит,
Отец вернулся мой только:
Уже войско готовое ждет!

Заплатить лишь вербовку,
Генералов назначить и подготовку -
Хоть в огонь оно и пойдет!

Родню не приветствовал, дом,
Только в тайник отец мой
Шасть - и обомлел просто!

Препустая-пустая пещера,
Что вчера была еще полной без меры!
Клад весь будто замёл кто-то.

Что он бегают, скребет и понюхает, -
Клада ни следа, ни духа

Здесь старик ума и лишился!

Заскулив, как на зубы,
Дальше шнур найдя грубый,
На суку удавился.

А Несытый и Верзила,
Поняв, что так постигло
Отца моего, подались:

Страх лояльными сделались
И тебе служить напустились, -
Сам предателем сделался Лис.

Днесь они – опоры Льва трона!
А я, что спас царя и корону,
Своего погубил так отца, -

Под веткой стою здесь
И над собой вижу смерть
Ну, вешайте! Кончил тут я».

Так-то во лжи Лис был смелый!
Все присутствующие остолбенели,
Сам Лев задрожал.

«Вот оно что тут-то скрыто!
Спасибо тебе, Лис Никита!
Ну а... клад ... ты куда подевал?»

«На горе Черной высокой,
Где Черемош скорые воды
По камням гонит вниз,

Сердце есть в Говерле,
Вкруг ребра третьего где
Логово скальное есть,

Там лежит клад нетронутый мой...
Царь, он должен быть твой,
Тебе сохранил я его!

Жаль только, что никому всё
Не сказал я тропы до него,
Чтобы по моей смерти мог... »

Лев не дал ему закончить.
«Кто здесь смеет молвить
Еще о смерти какой-то днесь?

Есть царское право - прощать.
Сейчас же с него шнур-то снять!
Мы аннулируем весь процесс.

Больше заслуги имеешь ты предо мной
Между зверями, чем кто-либо другой!
А грехи те, что за них

Мог ты висеть, правду изрекши,
Не стоят все и торбы сечки
Против заслуг ценных твоих.

Только слушай, в хорошую пору
Со мною в Черную Гору
Скоро мир тронешь завтра, дай бог:

Только я сам до того погреба,
Где есть клад царский Гороха,
Буду знать тайный ход».

«Царь», - Лис сказал невеселый, -
«С советом души охотной
Я с тобой идти в тот путь буду.

И в предсмертный час
Обет дам: если не сгину, за раз
За грехи покаянием сбуду.

Пешком до святого Рима,
Оттуда до Иерусалима
Обет чтоб дать, я должен уйти.

Как вернусь, мой сударь ясный,
Клад весь сразу твой станет,
Наибогатейшим будешь ты!»

«Что ж, вещь богоугодна», - Лев молвил, -
«Обет дать - ломать нельзя строго, -
Иди и здоровый сам будь!»

Дальше возных⁴ зовет на согласие,
Чтоб народу всему они, как на праздник,
Отбарабанили царский суд:

«Всем, кому зависит на том,
Надлежит ведать об этом всём:
Царь по силе прав своих снять

С Лиса, Никитою званного,
Изволил вину всю с него самого
И принять милость, свободу отдать.

Кто посмеет упрекнуть Лиса,
Лапой его прикоснется драчливо
Иль позаочно его похулит

Язык изо рта на того патриота
Царь Лев вплоть до корня
Вырезать повелит».

Ой, как услышали Медведь и Мурлыка,
И Волк тот приговор, - страх как великий
Досада их обняла!

Сейчас же стали ворчать,
Далее двинулись покричать,
С ними родня их вся целая.

Но уже было поздно!
Крикнул Лев с трона грозно:
«Кто там смеет еще ворчать?

Ба, то вы, негодяи проклятые,
Что меня в собственной хате
Поклялись замордовать?

Ишь, какие божьи святые,
А в душе вражьи мысли!
Лис опять помешал вам?

Но хватит точить!
Будете вы теперь видеть
Справедливость наших всех прав.

⁴ Судебный чиновник в Польше, Литовском княжестве и в Малороссии (до XIX в.).

Эй, берите Верзилу тута
И закуйте в добрые пути
Волка в дыбы прикрутите,

И Кота свяжите и прямо
В тюремную засадить яму,
Где не мигает свет солнца, ведите!»

Так-то судьба играет-то с нами!
Кто вот-вот близок был к яме,
Вдруг на вершине стал! Ох,

А кто дулся, гордился гордо,
В цепи сразу попался надолго
И в погреб тюремный пошёл!

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

Был в замке погреб подземный,
И сырой, и темный, и зимний -
Там заперли узников трех.

Кот молчит, Медведь дремлет,
Проклинает Несытый безмерно:
«Ах, тот Лис, чтоб он сдох!»

Время обедать! Бедняги
Не привыкли ещё мучнянки
Арестантской жевать.

Наложили им три миски как,
Нюхают уж: морды кривят!
Стали чихать и плевать!

Волк всё думал и сидел долго,
Дальше как заплакал от горя,
Как завыл, как зарыдал!

Своим сообщникам скорби
О своих приключеньях и боли
Вот такое рассказывать стал:

«Небо, моря все и вся земля!
Из глубины горя, крича,
Своего плач возношу я до вас,

Чтоб вас плач тот с рыданьем,
Моего образ страдания,
К основам, до дна всё потряс.

Волк Ненасытный. Волк жестокий!
Волк всё достоин смерти прегорькой,
Волка бей, где найдешь только место!

А что голодает Волк тот,
Жену и детишек он кормит-то,
Конечно! Безразлично всем это!

Волк убийца! Волк ведь прожорлив!
Что душа у меня хор,
Что совесть в трубы дует безмерно,

Сердце у меня верное,
Чувственное и милосердное,
Этому мир не имеет и веры.

Я так набожен, так был честен!
Если мир порожний был весь бы,
Если б я сыт был, -

Я бы такой был верный, хороший,
И ласковый, и покорный,
Чтоб и глаза мир забыл.

Я и сейчас - что балакать!
Как начнет желудок мой плакать,
То и совесть заглушится в дно.

И однако же власть его
Себе я во вред сколько всё
Слушаю, и не сосчитается то!

Раз на охоту иду я радостно,
Аж случайно гусей встречу стадо.
«Гуси, гуси, сейчас я вас съем!»

Гуси молвят: «Ешь нас, волчище!
Только минуточку ты подожди же,
Дай помолиться нам всем!»

«Ну, молитесь. Вот вам и время!»
То они свои крылья вверх мерно

Благоговейно вознесли так, -

Они вознеслись и заготовали
И вихрем все полетели, стихая,
Я остался внизу, как дурак.

«Ну», - думаю так, столбом стоя, -
«Что за способ это и я -
Иль пономарь, или дьяк, или поп

Чтобы гусей молитвы мне слушать? »
И пошел дальше я нюхать,
Товар найти новый свой чтоб.

Глядь, Свинья лежит в луже,
А при ней розово-бурые
Поросята – штуки их семь.

«Эй, Свинья, голубка моя,
Вылезай из болота крепко сама,
Пусть твоих свинок я съем!»

«Хорошо, ешь, коль охота», -
Хрюкнула громко Свинья из болота, -
«Видишь, тут грех один только,

С тех грехов, что есть непрощенные:
Поросята мои некрещеные,
Как же их есть будешь столько?»

«Действительно, хлопоты! Делать-то что?»-
«Слушай», - молвит, - «Несытый мой то,
Есть мельница и река тут,

То иди ты с нами тихонько,
Стань себе пониже там только,
Там я деток крещу.

Покрещу, омою из грязи, -
И одного за другим буду прямо
В рот тебе всех давать». -

«Ну, это можно», - думал так я, -
«Набожна, видишь, и честна Свинья,
Свинки её не полетят».

Я там в гребле, как в яме,
А Свинья с детьми сами
Плескаясь, мурлычут, хрюкая.

«Ну», - думаю, - «вещь точно набожна,
Так и срывать нельзя самую:
Это детей она крестит так гулко».

А посреди гребли она
Зубами заставку взяла,
Как опереться - преподнесла.

Гул! На меня бухнуло словно
Море студеное и мокрое холодно,
От меня память и та отошла.

Взял меня, хлынув, потоп,
Унесла с десятков холопов
Вниз, как треску, как стебель.

Мало не дал ли я душу!
Пока вскарабкался быстро на сушу,
Уже свиней моих не было.

Стал я мокрый и думаю:
«Ну, смотри же святошу какую,
Как в ров втянула меня, верь не верь!»

Ну, а я-то какой за жердь-столбик?
Православный или католик,
Чтоб ел крещеных свиней?»

Сильную взяв установку,
Что обдуряться не дам себе снова, -
Аж до пищи, голодный,

Иду. Глядь! Баран там блуждает.
Я к нему - он не убегает.
Вот и кричу издалека громче:

«Стой, баран! Рогатый, постой!
Надо сказать тебе кое-что».
Баран встал да вопрошает еще:

«Ну, какая там весть?» -
«Ба, я тебя должен съесть!»

Подходит весть та, что ль?»

А Баран - ну, кто б замышлял?-
Не испугался и не заплакал,
А моим поклонился ногам.

«Пан», - говорит, - «бог привел вас!
Я три дня видел уж вас,
К вам навстречу сам я бежал.

Не удивляйся ты и не смейся!
Я Баран-самоубийца!
В мире не жить уже мне!

Народ весь мой погибает в неволе, -
В вас жизнь его одна в доле,
Мне вы теперь не страшны ».

Такую дикую речь услышав,
Задумчиво морду я свесил
И стоял, глупый, как сак.

«Что это ты говоришь шутовское,
Несуразное что-то такое?
Не понимаю никак».

«Пан, минуту сказать мою жди
За что погибаю, будешь знать ты,
Зачем иду радостно так умирать,

Почему рогатая родня моя
Своего спаса и даже отца,
Будет в тебе величать.

Знай же боль мою тайную, пан!
Я не есть обычный Баран.
Я – овечий сам патриот!

У меня мнение - разбудить
И из неволи освободить
Наш весь овечий народ.

Издавна я о тех думал всех,
Чтобы овечьим стать Моисеем,
Овец вывести из ярма -

Из хлева - на вольную волю.
Много труда, мучений и боли
Принял я - и все зря.

В их тесные мозги овечьи
Ничуть мысли пресвежей
И не втолкуешь: сердце их ведь

Трусливо. «Твоя что нам воля?
Съест нас Волк в чистом поле,
Про волю нам думать грех».

Ну, подумай, пан мой учтивый,
О моем состоянии тяжком душевном!
Насмешку судьбы так хотел:

Пророческие в душе вещи,
А кругом лбы овечьи,
Сено, жвачка и теплый хлев!

Чтобы немножко облегчить себя хоть,
К гадалке я обратился в ночь
И завет услышал такой:

«Хочешь ты Баранов спасти
Должен сам себя положить
В вольную жертву за род свой.

В поле иди, когда захочешь,
Поброди три дня и три ночи, -
Волка встретишь ты силача.

И по моему показу-наказу
Тебя проглотит он сразу, -
Вот новая тогда заря

Для овец заблестит сразу».
Пан, тоска сердце давит
Запитать тебя сей же час:

Показ ты имеешь сей вещий?
Можешь ты, мой любимейший,
Меня проглотить за раз?»

«Ну, плети себе, мой любимый», -
Думал я, - «в зубы лишь если бы

Достал я тебя, - небось!

Будешь знать, как я глотаю!»
И к нему говорю и вещаю:
«Дорогой хлопец, ты успокойся!

Вещий сон сегодня узрел я -
И уже ждал я тебя, -
Тебя проглочу за раз!»-

«Ну», - Баран сказал, - «богу слава
И тебе, судьба ласковая!
В душе покой вот сейчас.

Пан мой, стой тут же видно!
На бугорок быстро я выйду,
Разбегусь и прямо в рот

К вам брошусь, а вы глотнете
И, глотая, обо мне вспомните:
Так умирает вот патриот!»

Надо ж дурак я, чтоб согласиться!
Мой Баран как разбежится
И меня в лоб рогами

Как хлопнет! Я как скрутился
И в обморок вниз покатился,
А Баран как дернет ногами!

Вот встал я, аж плача от боли.
Проклинаю презлую долю
И глупость свою кляню разом.

«То ли овечий я батька?
Почему не схватил быстро, гладко
Барана и не съел сразу?»

Такое постановивши,
Крепко зубы свои зацепивши,
Пошел я в путь дальний себе.

Лезу, лезу и ковыляю,
Раз - человека встречаю, -
Портной он был, и не страх мне.

Скоро как только увидел его,
То и я подскочил на него:
«Портной, портной, тебя съем всего!

Не убегай, не защищайся, не жди!
И не просись, и не моли,
Потому что в моих кишках скребет всё!»

«Бежать я не быстрый,
Слабоват защищаться, сам видишь,
А просить - так кто же поверит?

Только: как съешь меня?
Немного ты мал из себя.
Ну, тебя позволь мне померить!»

Пока думал лишь я,
Он приложил мне слегка
Мерило свое до хребта,

Потом вдруг за хвост хапнул,
Как отхлестнет все шесть раз, -
На сердце завялило лишь у себя.

«Ой», - кричу, - «портной, делаешь ты что?»
«На тебе! Знал ты навсегда чтоб:
Человека не трожь!»-

«Ой, не буду, пока жив лишь!»
А портной, злой, сердитый,
Бьет и бьет, ты канай хоть.

Что я вою, что и рыдаю,
Что я клянусь и умоляю, -
Он за хвост держит меня,

И перешивает, наполненный злобы, -
Видимо, быстро от кости
Улетит кожа и мясо тогда.

Слышу я, что вот уж сгину!
Как дернул - так половину
Хвоста перервал своего!

А давай бог тогда ноги!
Как забег я к берлоге,

Три дня отболело и то.

Так-то какое здесь волчье лихо!
Ну, скажите, быть как мне тихим,
На такое вот не нарекать?

А еще теперь же вдобавок
Предатель Лис царю-батшке
На нас бросился врать!

Нет уж, нет, я не потешусь.
Еще поплачу и сам повешусь!»-
Так Волк Несытый шумел.

Спал Верзила, спал уж Мурлыка, -
А Несытый от горя, из лиха
Все мучнянки три съел.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

Рано после завтрака утром
В наряде путевом лучшем
Лис царю поклонился до ног.

«Царь, будь моим родным папой,
Благослови всё это свято,
На богомолье чтоб я идти мог!»

Лев сказал: «Жалко так, сын мой, ох как!
Что на чужбину идешь быстро так!»-
«Царь, - воскликнул Лис, - тише, ох!

Сердце моё разрывается тоже!
Да сделаем что! Что боже,
Заплатить нужно всё богу в срок!»

Лев сказал: «Да, друг мой, да!
Радует это очень меня,
Что ты такой набожный,

Рад бы тебе я и от себя
Для бродячей нужды, для тебя
Хоть бы помочь, чем есть, радостно».

«Царь», - сквозь слезы всхлипывал Лис, -
«Очень ласкал ты ... Вот видишь:

В путь я и сумки не имею туда!

А у Медведя, у Верзилы,
Доброго кожуха сила, -
Отдаст он кусок, знаю я... »

«Захочет иль не захочет подать,
Мы накажем, его чтоб содрать!»-
Сказал Лев. – «Ну, что еще?» -

«Очень ласкал, мой царь, ты даром!
Сапожек еще бы хоть пару.
Видишь ли, я босой! Как его,

Только мир зашагать,
Ноги колоть и сбивать!
Искалечу я где-нибудь!

А Волк имеет две пары,
То одну, захочет что в даре,
Мне уступит в тот путь».

«Что там захочет иль не захочет!»-
Крикнул Лев и аж топает. -
«Эй, там, быстрее! Пойдите в тюрьму,

С Верзилы сумку сдерите,
А с ненасытных снимите
Пару Лису сапог саму!

Вы же, моя дружина славная,
Чтобы всем сделалась явная
Наша ласка для Лиса Никиты,

Его проведите с гонором
Там, к могиле, под бором!
Пойду еще я почить».

И Лис мой гладко потопал.
Смирный и тихий, словно ягненок,
При сумке, с клюкой, как бог послал чем...

А вокруг него, как вороны,
Все царёвы бояре, бароны
Провожают двором всем!

Козел - секретарь тщеславный,
Гвардеец народный - Заяц,
Рядом Лиса дружно ведут.

Как беседа была ни мила,
И уж вот там могила,
Попрощаться ведь надо тут!

Лис Никита всё молвит,
Рукавом вытирает он слезы:
«Ах, Яцунь, прислонись-ка...

Я ... с тобой расстанусь!
Ах, подумать боюсь,
Жаль мне пройму насквозь-то!

Ох, друг дорогой мой, Василько!
Люблю я тебя так сильно,
Что без тебя жить не рад.

Не откажи же просьбе моей,
Еще кусок той дороги теперь
Проведи меня там, как брат!»

Сказав это, Лис прослезился,
Им в ноги он поклонился.
«Вы оба из среды всех зверей

Справедливые и непорочные
Только траву и листочки сочные
Все едите - и я так ел!

Об убийствах, о грабежах
Нет ни мысли озлобленной в вас,
Блюд мясных не хочется вам.

Искренние, правые души,
Я-то, пустырником еще будучи,
Ваш образец себе выбирал».

Так-то лестно словами
Лис увлекал их, до ямы
Лисовой подошли.

«Слушай», - сказал Лис, - «Василько,
Ты здесь минутку нас подожди-ка,

Вот траву себе пощипли!

Ты, Яцун, дорогой сват,
Идти потрудись со мною в хату!
Знаешь, жена там моя

Как услышит слух,
Что я в богомолье путешествую тут,
То-то плакать будет... А я

Страх не рад с женами плакать
И не умею их заговаривать.
Ты порадуешь их хорошо тут!

Мой Яцунь, ты в том исправен!
Потому и иди, мой друг давний,
Вид твой добавит ей духа!»

Доброе сердце у Зайца!
Услышав это, чуть сам не плачет.
«Женщина бедная!» - откликнулся так он. -

«Я ее, как родную маму,
Рад любить!» И в лисью яму
С Никитой попался с глаз вон.

Входят - боже! Средь ямы
Лисица с детьми лисятами
Плачет, потоки слез льет!

Как увидела Никиту,
Вскочила ... «Никита! Тут ты!
Дети! Ваш отец... жив он!»

Ну, и Никиту целовать,
И до сердца обнимать!
«Дорогой! Что же? Беда прошла?

Говори побыстрее, быстрее!
Я думала, что ты сгинул уже...
Ох, слез сколько я пролила!»

«Радуйся!» - Молвил Никита. -
«Царь наш - славой покрытый,
Будь его держава хоть вся! -

Проступки даровал мне,
И от сегодняшнего денька ныне
В ласке царской тешусь я.

Враги же мои ожесточенные
Где-то там сейчас еле теплые:
Царский гнев их бьет всех трѣх:

Коту, Несытому и Верзиле
Пришлось сомкнуть вместе рыло,
И в погреб темный попали ещё.

А это, паяц фальшивый,
Чем свидетельствовал мне, Заяц, сильно,
Преданный мне во власть:

Или живым оставить разом,
Иль задушить его сразу,
Скоро выкупа он не даст!»

Услышав это, Яць-бедолага,
Стало так ему не по себе тяжко,
Словно за ним туй-туй борзая.

«Вася!» - Крикнул. – «Честный отче,
Съесть Лис меня здесь хочет!
Вася, Вася, спасай!»

«Сейчас тихим будешь, босяк!» -
Крикнул Лис и схватил туго, да как
Зайцу горло вмиг перегрыз!

«Вот тебе от меня штука!
И то всем злюкам наука,
Чтобы Никиты остереглись!»

А потом, пососавши до крови,
Отрадно Никита Лис молвил:
«Да и вкусный же, бестия, он.

Дети, на ужин из Зайца сейчас
Будем иметь жаркое у нас!
Славный потом будет сон!

И послушай теперь, дорогая,
Как грозила мне пагуба

И как отбрехался я!»

И, развалившись вольготно,
Рассказал всё убедительно вольно
С начала и до конца.

А Лиса и Лисята
Посидели вокруг папы -
То посмеются, то подрожат.

«Голова ты моя милая!»-
Так Лиса говорила. -
«Ну, и ты знал, как же их взять!

Лишь то одно не прекрасно,
Что нас ты покинешь напрасно,
Куда-то идешь на прощение в спас».

«Жена», - Лис воскликнул поспешно, -
«Ты думаешь, что я действительно
Какой-то дурак стал сейчас?

Где пред глазами моими смерть, там
Так плелась, что только слюна
Вязь приносила на мой язык.

Или я паломник, что ли?
Что там мне Лев и богомолье?
Я теперь смеюсь на всех них!

Пусть ест соль, у кого есть оскомины!
С тобою останусь я дома,
А о паломничестве ни ду-ду!»

Но слышался крик с двора:
«Яць, где ты? Минут несколько я
Здесь уже тебя жду!»

Выбежал Лис. «Василько, друг,
Ты не сердись так очень тут!
Нечем тебя занять нам.

Яць там с моею женой,
И с маленькою семьей
Преприятно шумят».

«Говоришь: они шумят приязненно?
Но ведь слышал я явственно
Крик Яцев: «Спасай!» - Молвил Козёл.

«Правда», - изрёк Лис, - «как моя Лиса
Услышала, что он простится к нам,
Обомлела и на землю хлоп!

Тут-то Яць - здоровье пусть будет!-
Вбухнув ей воды на грудь
И начал спасение звать:

«Ой-ой-ой, спасай, Василько,
Умрет моя тетка мигом!»
И теперь уже благодать!».

«Ну, богу слава!
Я думал, что моего Яця
Там с кожей кто-то дерет». -

«Вася, иль тебе же не стыдно?
Яць придет, только не видно,
Еще подарков там наберет.

Вась, бородатый ребе,
У меня просьба к тебе!
Видишь, царь мне сказал,

Чтобы, пока еще двинусь из дома,
О вещи одной, нам ведомой,
Письмо я ему написал.

Итак, пока Яць там игрался
С женой и детьми, я справился:
Два грубых письма

Ему написал, друг мой,
Просить хочу очень
Царю занести их тебя я».

«Хорошо», - ответил Козёл, - «смотри лишь,
Чтобы нигде у меня не сгубилось,
Не сломалась бы и печать!»-

«Правда есть! Жди минуту,
Я в медвежью сумку

Завяжу их, можешь их брать!»

И побежал живо в дом,
А в душе смеясь зло:
«Будешь иметь письмо! Лишь пожди!»

Кровавую голову Зайца
В сумку шасть, живо шнурками
Обвязавши, он стал нести.

«Вот, мой Василий любезный,
Здесь лист в той сумке толстенный
И два меньших лежат.

Их осторожно носи ты,
А развязывать нельзя их,
Потому что сломается моя печать.

А про Зайца не горюй, не печалься!
Он там так заболтался,
Что сказал извиниться!

Иди ты кусок вперед дороги,
А уж Заяц твой быстроногий
Догонит тебя в момент быстро.

И еще знаешь что, мой друже?
Лев, отец наш, любит очень
Острый, красивый, гладкий стиль.

Эти письма - не хвалюсь я -
По вкусу ему придутся тогда,
В них мастерства моего шпиль!

Уж я, где только мог, боже,
И о тебе слово гожее
Не пренебрег закинуть.

И я уверен, что царь-отец
Ласки и чести еще много ведь
Больше тебе даст, чем дал, солидно.

Только будь ты в сознании сам,
Не притворяйся скромным весьма!
Смелость выигрывает в войне.

Как царю: «На письма те
Я советовал Никите все,
Их обязан он мне».

Услышал это Козёл Василий,
Задрожали в нем аж все жилы,
Подскочил от восторга ребе!

Ну и Никиту стал целовать!..
«Теперь я буду вот знать,
Кто добра хотел мне!

Друг, брат! Я как в раю!
О, знаю отлично твою остроту!
Лев задерет от радости хвост!

Не минует меня почесть большая,
Ведь и заговорит край, всё расхваливая:
«Смотри, стилист какой наш Козел!».

Здесь я выступлю уже смело,
Потому, как вправду имелось то дело,
Это никто не будет знать.

Ну, прощай же! Даст бог, может,
Я и тебе буду воздавать то же,
То и не будешь жаловать!»

«Прощай!» - сказал Лис Никита.
А как Козел ушел, то, скрытая
Словами, вылилась злоба:

«Вот это дурак какой же квадратный
Секретаришка ещё тщеславный!
Ух, аж меня бьет истома!

Что за ряд! Что за держава!
Дуракам в ней и почесть, и слава,
Бедный, лап хищных слабей,

Не уйдет! А членом суда,
Что засудил на смерть меня,
Разве не был Козёл глупый сей?

Но отомстил я тебе зло!
Будешь жил иль ляжешь в гроб, -

Уж не смоемся сей хлоп,

Прилипший на твоём всем лице;
Станет притчею в языке
Слово то: глуп, как Козёл!»

За то время Василий поспешно
Прибежал в царский двор и лестно
Гордо пред троном стал:

«Лис Никита с дороги
Клонится царю в ноги
И вот этот пакет прислал.

Три письма есть в нём толстенные;
Стиль, язык, мысли - чудесные!
Это и не удивительно. Ведь я

Не один ему дал совет
По стилю, по составу ответ, -
То и здесь заслуга моя!»

Царь рук пакет принимает,
Шнур за шнуром снимает,
Глядь в сумку – аж изумился.

«Что это! Лист какой-то ушастый!
Вася, Козел ты проклятый,
Ты принес кровавый лист Лиса!»

Зайца голову несчастную
Вверх вынув, Лев рыкнул страшно,
Что Козёл аж на землю упал:

«Так-то смеется Лис надо мною!
На письмо такое мерзкое трону
Ему Козел еще совет дал!

Га, клянусь на гирию я царскую,
Что уже не поверю тем сказкам,
Проклятым бредням Лисовым!

Эй, бегите в тюрьму, что есть сила,
Волка, Кота, и Бурмилу
Освободите из уз тяжких скоро!

О, брехун бессовестный, Лис!
Из-за тебя я, видите ли,

Глупо мучил своих верных слуг!

И им за то даю плату:
Козла и его родню всю лохматую;
Чтоб из нее драли шкуру!

А плох тот Лисюра,
Так отбрехался от шнура,
Его из-под прав всех изъять, то есть:

Кто встретит его сию ложь,
Убить его может, где только найдешь,
Без суда и не будет казни иметь».

Так-то Яць Заяц и Козёл Василий
Головами за раз наложили,
Виноватые ведь без вины;

А хоть жертвы злобы и силы,
И однако не оставили, видно,
И памяти доброй они.

Особо Козёл бедолага!
Скажите, ну, благодарность какая
Выпала за то ему

Что к сильным он льстился,
Он в царский двор примостился,
Царицу имел за куму?

Что придворный был, ордерный,
И секретарь тщеславный ученый,
В трибунале суда заседал?

Тем не менее, на смех, от шутки
Через Лисовую карту ту глупо
Козлиную душу отдал.

И по сей день происшествие то
Из народа крещенного кто
Добрым словом его помянул?

Как с ерунды кто злобный погибнет,
Разве не говорят: что за козлиное
Поколение пропало в загул,

А кто дуется, балуется,
Спекулирует, ластится
На барыши нечестные все,

Всем рад любезно балакать, -
Разве не будут ли по нему плакать,

Как по козлиной душе?

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

Лис Никита в своем замке сам
После обеда меда стакан
Опорожнил преспокойно,

Сел в кресло, трубку курит на сон
И не заботится ни о чем,
Зла никогда не оказывал словно.

Однако услышал: стук! стук! к воротам.
Вскочил, с детками выбежал сразу к вестям.
«Ах, Бабай! Это ты опять, видно!

Ну, здорово, Бабай! Это что ж,
Ты, знать, от царя просто идешь?
Что там хорошего слышно?»

«Мало хорошего!» - печально
Сказал Бабай. – «Да щедрая жатва
На поганые новости в сноп!

Царь заклинал тебе чинить бед,
Войско зовет, собирает совет,
Будут за три дня тут в срок!»

«Только всего?» - Говорит Лис. -
«Не горюй, как только лишь,
Старый Бабай, мой друг!

Ты тем угрозам не верь!
С тобою двор царский отсель
Еще сегодня я побреду.

Уже я выбрешусь, будь уверен!
А теперь, дорогой кровный верный,
Прошу в дом! Уж пора

Полдничать. Аж здесь в лапах
У меня весь печеной запах,
Что наготовила мне старуха моя!»

Вот вошли, сидят угощаться...
Лисята Никиты стали играть.
«Видишь, старик», - Лис сказал, -

«Минка ловит уже цыплят,
Митька ж, упорная бестия, так
Ловко вчера утку достал!»

«Действительно, нечем гордится», -
Сказал Бабай. – «Да и не дивно:
В отца и дети все удались!»-

«Так-то, так! Талант - не хуже,
И воспитания еще больше лучшее
Тут значит!»- ответил Лис.

«Ну, и время нам в путь спешиться!»
«Что?» - Аж вскрикнула сразу Лисица. -
«Ты, Никита, куда-то снова?

В царский двор? Да бойся Бога!
Осиротить нас в дороге!
Опомнись, скройся ты дома!»

И слезами залилась,
И руками впилась,
Чтобы Никиту не пустить.

Он, ее поцеловав,
И от себя оторвав,
Сказал: «Жена любимая, цыц!

Царь не съест меня там однако,
А навстречу опасности нашей
Лучше выйти, чем в углу

Дождать на себя грому!
Я держу все по-старому ровно
Такую мою философию всю:

Наша вся жизнь есть война,
Каждый борется в ней, знает как:
Сей зубами, а тот и крыльями,

Третий когтями крепкими,
Другой скоками прыткими ...
Чем же боремся мы?

Мы ни силой не способны,
Мы не, как карпы, многоплодны.
Ни летучие, как Сова,

Ни быстрые, как Заяц тот,
У нас подспорье есть лишь одно -
Это разумная голова.

Ею нам надо крутить,
Как бритву, ум, наострить,
Обдумать всё в один миг,

Наставлять сети другим,
Но хорошо следить за тем,
Чтоб самим не впасть в них!

Царь вот грозит нам войной.
Хоть как-то я не дам бой
Перед тем войском его,

И все лучше в самой речи
Сразу злое отвлекать спешно,
Чем ждать весть чего.

А уж, моя милая, я на то
Чую в себе сил больно много!
К таким я штукам привык.

А подумать, как крепко я
Начну врать им, милая,
Чешется у меня аж язык!»

Еще целовались раз в лица,
И порадовалась жена-Лисица;
Но все ворота замкнуть

Приказал Никита и живо
Тропинками влево, вправо и быстро
Побрел с Бабаем он в путь.

Греет солнце, небо чистое,
Лес шумит, трепетаются листья,
Цветы везде пахнут - просто рай!

Лис любит красотой,
И, прибитый угрызений грозой,
Печально хромает Бабай.

«Старик, что тебе тут такого?»-
Весело говорил Лис к нему и свободно. -
«Тьфу, о землю лихом ударь!

Ишь, что вокруг красоты-то здесь!
Тепло и воля, и какой блеск!
Кто живой, то сейчас царь!»

«Ой боже», - воскликнул Бабай, -
«Так сильно ты не брыкай!
От казни не уйдёшь ты!

Где же так, Козлу в сумку дать
Голову Зайца и послать
Это царю те дары!»

«Ха-ха-ха!» - Смеётся Никита. -
«Штучка дешевая и сердитая!
Очень ей я горжусь.

Немножко, видимо, царь наш прославшись,
Пока правды в ней докопавшись...
И чтобы кары быть - а брысь!

Сейчас кто рад жить, не усохнуть,
Тот святым быть не может,
Как в пустыне монах.

Каждый здесь держись на тоске,
Кто не хочет по заслугам нигде
Быть у другого в зубах.

Скакал Яць впереди меня,
Как новокрещенное дитя,
Словно дразнил: «Ну-ка, слови!»

Аж мне так моркотно стало,
Что хап я его, и незнамо,
Как он остался без головы.

Ну, а Козел! Скажи, ласков будь!
Он на меня в суде трескал с трибун:
«Виноват, виноват! Пусть умрет!»

А как я успел отбрехаться,
Он лезет так целоваться!
Пусть черт же его и берет!

Что ж, мой грех, а жалко его.
Убийство, отмщение - это ж есть мода
Везде общая у всех зверей.

И сам царь грабит чисто,
А не хочет лично -
Шлет волков и медведей».

И усмехнулся Никита тихо,
Нюх табака взял и чихнул лихо,
Сказал он затем опять:

«Это сказки всё, мой Бабай-ка!
Слушай только вот эту байку,
Что я хочу тебе рассказать.

Говорят: наказание за грабёж!
Вот тебе такой случай, что ж,
Как наш брат хотел честно жить.

Есть товар, есть достаточно денег,
Он не скупится, и просит еще ведь,
А хоть брось, не может купить.

Раз я вот и Волк Несытый,
Бросив гостинец побитый,
На путешествие мы пошли.

Ба, зашли за лес и за воды, -
Ни убежища, ничего боже,
Степи, луга были лишь.

Здесь солнце нас припекает,
Ба, и уже голод наш дожимает,
Тут глядь. Жеребенок пасется!

И такое гладкое благо пестрит,
Что мой Волк аж зубы острит,
Кожа на нем вся трясется.

Сел, бедняга, трудная сапа ...
А с жеребенком мама Кляча,
Украсть она уж не даст.

Говорит Волк: «Пойди, Никитка,
Спроси Клячу ту быстро,
Нам Жеребенка она не продаст?»

Я пошел, поклонился ей низко.
«Что, мамочка, пастбище
Имеете тут не хуже, что ж?»

И Жеребенок! Вот паренек, загляденье!
Чай-то, его нам на попечение
Продадите за хорошенький грош?»

«Что ж, покупайте, люди вы божьи!
И не большие грошики
Буду брать я от вас.

Вот только прочитайте значки те,
Что на заднем моём копыте:
Это тебе и цена как раз».

Ну, и не лыком я шит-то
Подходить до копыта!
Поклонился Кляче к ногам

И говорю: «Спасибо, мать,
Но я не умею читать ».
И к Волку вновь побежал.

«Друг, Кляча добросердечная мать,
И Жеребенка согласна продать,
И себе не хочет цены драть.

Говорит, у нее ценники те
Есть на заднем копыте -
Жаль, что я не умею читать».

«Что», - Волк крикнул, - «ты - бездарь задаром!
Даже лошадиных букв пару
Не умеешь ты прочитать?»

Я в письме том очень ученый,
В гимназии, академии стольной
Выходил лет целых пять».

И пошел мой Волк Несытый
Клячу за Жеребенка просить, и
Кляча ответила: «На,

Вот только прочитай значки те,
Что на заднем копыте, -
Там написана моя цена ».

Волк нагнулся Несытый
Присмотреться к копытам, -
Эх, как треснет Кляча за раз,

Как в лоб не вцедить просто,
А была подкованная остро, -
Мой Волк, как свечка, угас.

Кляча же как захохочет
И с жеребеночком пострекочет,
Что и след обоих пропал.

А Волчишка миг добрый
Полежал так в бессильи безвольно,
Словно совсем покойником стал.

Далее продирает он очи,
Вокруг да около смотрит,
Но встать не может с места без мук.

«Эй», - ему говорю, - «Несытый,
Сам Жеребенка съел ты?
Не хотел мне оставить ни один кус?»

Га, ненасытность-то миновала!
Съел все, еще и того мало
Друга на обед не зовет! ...

Ведь я-то, козел неблагодарный,
Первый торг делал у Клячи,
То належался магарыч.

Ну, так правду гладко скажи:
Дешево купил Жеребца ты?
Человеческая цена, знать, была.

Вы и не долго-то торговались,
По-приятельски и расстались -
Что-то отрадно она ушла.

А проспался ты вкусно, друг!
После такого обеда очень
Благоприятствует то на живот.

А славно как ты, Волчишка,
Умеешь конскую азбуку ишь как -
Действительно, на весь мир ещё чудо то!»

Так я с Волком смеялся до ночи,
Очи вытаращив, он только
«Ах, ах!» и все лежал,

Далее говорит: «Будь ты честный!
Что за торг был бы чудесный,
А дичь – и то бьет по зубам!»

«Ой», - сказал Бабай, - «Никита,
Не смешна твоя шутка, потому скрыт
В нем правды горькой, истины шмат.

А хуже всего то, что Несытый,
Сейчас враг твой забитый,
Со свету тебя согнать рад».

«Э», - сказал Лис, - «наплюй на него!
Все у Волка злобы премного,
Но злоба слепит весь ум долго.

Мир бы пожрал всё скоро,
Ба, не влезает коль в горло!
А разумный смеётся от злобы!»

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

В разговоре шахом и махом
Большаком Лис Никита с Бабаем
Медленно не спешатся, идут.

Но Бабая ткнул наш Никита.
«Старик, вот здесь ямка скрытая,

Живо прячемся тут!»

Под мостик, что был на пути том,
Сбежал Бабай в страхе большом,
Думал: может, где-то стрелец?

А за ним юркнул Никита,
И на путь смотрел из укрытия ...
Пст! А трясется сам весь.

А тем путем изо Львова
Процессия идет здоровая,
Что там ходила на суд:

Старый Петух проходит вперед,
За ним весь его род идет,
Только нары уже не несут.

Спрятав сожаление в сердце,
С горя выпив по четверти,
Все поют «Комара»:

«Эй, там в лесу шум сделался,
Повалился Комар с дуба-деревца!
Зовите, зовите врача!

Разбил он своё головище
Об дубовое стволище
(Петух вытягивал соло);

Вьлетела из дома Муха
Спасать Комарика гулко
(Родня помогала вся хором).

«Ой, Комар, пан мой,
Вас жаль не помалу», -
Тянет Петух голоском.-

«Чем же лечить мне тебя?
Ибо тебе я желаю добра!-
Искренне!» - Хор подхватил весь гуртком.-

«Продам дом, и продам сени,
Чтобы добыть медицины,
Еще позову я врача,

Продам и мотыгу, и грабли,
Заплачу аптечку еще заранее,
Но исцелю Комара.

Ой, крикнет как дорогая Муха,
Поскакали клещи из дуба,

Остановили Комара кровь.

Муравьишки всё прибывают,
Подушечки подстилают,
Чтоб на него сон пришел».

Так-то куриная родня вся
Визжит, аж поравнялся
С мостиком старый Петух;

Но дальше, как молния, из укрытия
Как вскочил Лис Никита
И схватил его мельком вдруг!

«Га, тут мне ты, босяк!» -
Скрежетнул Лис и схватил туго как,
И головку сразу отгрыз.

Петух лишь крылышками трепетал
И лапками долго дергал, обмяк:
С трупом в яму вскочил Лис.

«Бога побойся, дорогой мой сынок,
Заварил ты новую кашу не впрок!
Или совсем ты с ума сбился?»

Петух сей - великая сила.
Имел протекцию у Верзилы,
И царице он полюбился».

Так Бабай остерегает,
Да Никита уж не размышляет,
Не печется, Петуха радостно щиплет.

«На это наплюй ты, сударь!
Что здесь за завтраком, посмотри только!
Пышно тебя угошу сильно!»

А на сего Петуха, старик мой,
Издавна я имел огромную злость,
Еще в моём сердце и все кипит:

Не за иск, не за вред,
Но за одно приключенье, о чем грех
И вспомнить мне стыд.

Раз голодный, что даже плачу,
Иду я под сад и вижу, значит:
Петух поет на вербе.

Как здесь его бы мне заманить,
С вербы вниз обольстить

И к рукам моим достать себе?

И внезапно для нужды я
Сделал пустытника вид из себя,
Мямлю: «Господь воззвал»;

Под вербу далее подхожу,
Глаза скромно вверх подвожу
И говорю, как монах:

«Любимая детка моя,
Странная, пташечка райская,
Сим тебя приветствую днем!

Забочусь о тебе ревностно,
О твоём добре лишь душевном
Давай разговор мы начнем!»

Петух крикнул язвительно:
«Ой, батюшка мой Никита,
Видно, давно ты не ел сам!

Любишь ты у меня, наверное,
Больше телесное, чем душевное!
Проголодался - и набожным стал!»

«Не грехи, честная душа!
Отрекся от мяса я,
Ем лишь мед да корешки все,

Пост держу по дням твердый
И в пустыне себе живу строго
В найтемнейшем конце».

Петух крикнул ехидно:
«Ой, батюшка мой Никита,
И жирные маслом твои слова.

И медом твой язык капает.
Но зуб твой щелкает яростно,
Злобы полна голова».

Я говорю: «Ой, хорошая пташка,
Вновь грешить очень тяжко!
Знай же: для тебя я

Сюда из далекой пустыни
Умышленно иду ныне.
Отсюда к тебе речь моя.

Во сне голос услышал с неба:
«Никита, встань, надо живо

В село идти тебе.

Ты не медли и не пугайся,
Скорее туда поспешайся, -
Петуха встретишь на вербе.

Сей Петух - страшный грешник,
Многоженец, ещё и насмешник,
И безбожник. Так и иди

Расшевели совесть ему,
Смой греховное затвердеванье тому,
К покаянию приведи!»

Ты сынок мой гребнистый, знай!
Можешь ты быстро пропасть,
И пойдет душа вниз в смолу.

С ветки слезь, исповедуйся ты,
В грехах покайся своих,
Сохрани душу целую всю».

Говорит Петух ядовито:
«Ох, батюшка мой Никита,
В чем же тот тяжелый мой грех?

То я ворую, граблю,
Иль убиваю, иль измываюсь,
Или святое беру я на смех?»

«Эй, бедняк», - говорю грозно, -
«Кайся, чтоб не было поздно!
Из сердца гордость вынь прочь!

Мучительно в тяжких грехах ты бываешь,
А о них сам и не знаешь -
Это плохая вещь очень.

Не у тебя, признайся ты, разве
По двенадцать, по пятнадцать и даже
Побольше еще своих жен?

По какому закону это
Ты живешь в грехе таком ветряно?
В сере мокнуть будешь, в аду том!»

Здесь мой Петух стал, как омытый:
Тон мой, острый, сердитый,
Тронул, видимо, его нутро.

«Ой, батюшка мой Никита,
Вижу ясно и открыто

Греховное это клеймо!

И сей раз еще смилоствивился!
Я не постился, не молился,
Сокрушения в сердце не разбудил.

Плохая исповедь, быть может,
Пугаюсь поэтому, не дай боже,
Чтобы и здесь не поблудил».

«Грешник!» - Рявкнул я строго.-
«С твоего горла черт молвит такое!
Бойся исповеди бес!

Долой гони его! Покайся!
С покаяньем не медли! Мужайся!
Сейчас же здесь ко мне слезь!»

Этакого-то образа я
Подпустив, сего сорванца
Таки за печень-то взял.

Медленно с ветки на ветку
Стал взлетать и за минуту на землю
На мой край он стал.

Здесь я хватя его и зову:
«А, ты мне, пан, тут!
Исповедуйся, не исповедуйся лично,

А покаянья большого
Уж тебе не избежать точно.
Сейчас прощайся же с жизнью!

Будь я пес, а не Лис Никита!
Будет твоя кровь пролитая,
А жупан красный твой

Я разомкну и раскину,
Грешное тело в могилу
Упакую в живот свой».

Сообразив, где попался,
Петух утих, не трепался,
Свесил голову вниз,

И сказал он уныло:
«Ой, батюшка мой Никита,
Что уж делать, живись!

Видно, бог судил так, дорогой,
Чтобы через твои я зубы собой

В рай блаженный вошел.

Так бери же себе то тело,
Чтобы в зубах твоих хрустело, -
Поживай себе и будь здоров!

И жупан сей мой червонный,
Которым часто во дни свои оные
Средь кур возносил я везде,

Рви, терзай, - я не жалею,
Только дай мне надежду,
Что мокнуть не стану в смоле.

Лишь одно еще сожаленье сердечное
В мир загробный и бесконечный
Понесу с собой я,

Тяжко для сердца жаль моего,
Ибо вреда для тебя много
Принесет и смерть моя.

Видишь, мой голос чудесный
Так понравился попам лестно,
Слава везде в нем такая,

Что в епископском соборе
При архиерейском хоре
За дьяка имел стать я.

Обещали хлеба,
Четыре пшеницы ковшы,
Еще мягкого подаяния;

И я пункт положил конечный,
Чтобы Никита, муж сердечный,
Был там за пономаря званием.

Вот теперь, когда лишь я сгину,
Должны были в твою пустыню
Каноника три прийти

Твою нищету завершить,
На пономарство ввести, пригласить
И задаток ещё принести».

Я артист есть, старик дорогой!
Каждое слово в меня большой
Впечатлений вздымает так силы.

Поэтому, как слова услышал такие,
У меня разгулялись мечты бессильно,

Скакнула душа сама чисто.

Разинув рот свой безумно,
Живо всплеснув руками бездумно,
Говорю: «Вот пан такой Лис!»

А тотчас петух-злюка
Вскочил, порхнул, как гадюка,
И на ветку только завис лишь.

«Ой, бабушка мой Никита», -
Молвит оттуда он горделиво, -
«Так паном ты быть пожелал?»

Для мерзкого пономарства
Отрекся б от неба и царства,
И меня мог иметь ты в зубах!»

Тьфу, да и нечего вспоминать мой позор,
Как надо мной смеялся сей вор,
Как он вознесся, как генерал!

Я зверь тихий и покладистый,
Все жалею: драку, раны, -
Но до смерти мщу за скандал».

Вот такое порассказавши,
Враз с Бабаем петуха съевши с кашей
И отдохнув под мостом,

Наши путники милые,
Как святые и благочестивые,
Топали дальше пешком.

«Говоришь, старик: Петух - сила,
Имел протекцию у Верзилы,
И в ласку к царице влез он?»

То-то и есть наш порядок, недурно:
Ни шагу без протекции! Абсурдно!
Чтоб вас растряс божий гром!

Ты учитель, иль специалист,
Или чиновник, промышленник ты,
Или поэт, иль цеховик,

Будь ты способный, очень хоть бдительный, -
Без протекции, друг мой, удивительно
За весь труд свой иметь будешь пшик.

Барская ласка, влияние женщин
Превыше всех нынче свидетельств;

Слово шепнет пан барон,

Или придет билетик княгини, -
Труд твой в одной минуте весь сгинет,
В пыль рассыплется, словно сон.

Так-то, дорогой мой Бабайка!
Силу ту я хорошо знаю,
А как знаю - не боюсь так.

Ведь не лыком я шитый
И для себя умел совершить я
Покровительство какое хоть там.

При дворе возле царицы
На месте есть фельдшерицей
Мартышка Фрося, вдова:

Вроде лекарь немножко дельно,
Будто и знахарка, и ворожея,
А красивая, как сова.

Хотя давно уж не барышня
И эмансипантка та страшная,
Всех ненавидит мужчин,

А ко мне потихоньку,
Чует что-то ее сердце звонко, -
Конечно, не без причин.

Правду изрекши, я у царицы
Место ей фельдшерицы
Ходатайствовал - и очень рад;

А теперь она, боже,
Все во дворе сделать может,
Всех на свой обращает лад.

А хоть бы меня и не знала,
То за мной бы обстали,
Потому что не любит Волка, как страх.

Почему не любит - то знаю
И скажу тебе я, Бабайка, -
Скорее пройдет путь нам.

Еще как с Волком путешествовал я,
Раз заблудился в чужбину я
До моря, в мартышкин край.

Измученные оба, голодные,
Ничего поймать не способные,

Хоть ложись и умирай.

Глянь - землянка меж скалами,
Фроси Мартышки то дом сам без малого,
Вот Несытый сказал:

«Никита, в хижину ту иди
Может, примут нас в гости, зайди,
Потому тяжелая нам здесь беда».

Иду я, вхожу - посреди хаты
Мартышка стоит, как черт с лапами.
А вокруг нее орут дети громко,

И такие вам уж негодные!
Чертята правдивые все и грозные,
Что аж страшно, бедово.

А как посмотрели все на меня исподлобья,
Аж пробежало студеное что-то
Под кожу - тьфу, пропадать!

Очи все вытарасили,
Зубы так понаставили клиньями, -
Думалось: вот-вот съедят.

А Мартышка, то чудовище,
Подступилась, как туча черная:
«Что вам надо? Вы кто?»

Ну, ей я давай врать:
«Я пришел, вам чтоб отдать
Уваженье свое.

С дальнего Подгорья
Честный я зверь, богомольный
И, пожалуй, свояк ваш есть, -

Иду с паломничества - и, услышав массу
Молвы о красоте и мудрости вашей,
Пришел отдать я вам честь».

Подобрела Мартышка сейчас,
Облизалась от тех слов аж.
«Прошу сесть! Значит, так

Обо мне-то вы услышали?»-
«Госпожа, ах, как похвалы,
Везде о вас слава кричит!

А эти милые ангелочки -
Ваши детишки? А отца,

Наверное, и дома-то нет? »-

«Ох, мой пан, я вдова!
И поживиться, может быть, вам?
Сейчас приготовлю сама я обед!»

«О спасибо, дражайшая госпожа!
(А в кишечнике, как в барабане,
Пусто, резь марширует живот!»)

Есть у вас я и не посмел бы!
Вашим любимым словом хотел бы
Напоить сердце и ум свой!»

«Вижу, друг, что ты вежливый,
И приятный, и умный, умеренный, -
Дорогой гость такой мне!

Много будем мы говорить,
Впрочем, всего впереди
Сейчас ешь мне и пей!»

И тотчас к коморке,
Принесла аж три тарелки пригорки
Шниця, мяса и колбасы:

Ко мне всё приносит,
Потом села, да еще просит:
«Ешь! Почему больше не ешь ты?»

Ну, ем я, хата аж ходит!
Тем временем она разводит
Болтовни свои все

О нервах женских, нежных и чутких,
Про мужчин чувства попутных,
О рабстве женщин в семье.

О покойнике упомянула
И тяженько так вздохнула:
«Не понимал он меня скверно!»

Дальше вскочила в культуру,
Гадание, литературу,
Политику, строй и пенье.

Я поддакиваю и смакую,
И для формы своей в степь иную
Оппозицию заведу;

Мартышка спорит и раздражается,
Вижу, поток бесед не кончается,

Потому, наевшись, больше не жду.

«Моя госпожа, я счастливый,
Что такой здесь клад правдивый
Нежданно нашел!

Здесь скрепил я тело и душу,
И простите, спешить должен,
И приду быстро вновь».

Мартышка там еще хлопала,
Я не учуял, и как дал деру,
Возле Волка Несытого очутился.

«Ах, Никита, погибаю здесь я,
А ты целый час там!
Ну, принес что? Поживился?»

«Поживился», - говорю, - «брат,
И с собой блюдо брать
Не подобает, просто стыд.

Ты иди, друг мой, в хату
Мартышка гостям очень рада,
И тебе она даст погостить».

Волк в хату. Я это вижу,
Хорошо знаю волчью натуру слишком
И под стенку прислонился,

Слушаю. Вот приветствует Волк,
Мартышка его спрашивает-то, -
На скамейке Волк развалился.

«Дай обедать, Мартышка глухая!
А это что? Чертят куча большая?
Ну, и дрянь, боже спаси!

И ты-то - пусть гром свистнет!
Глянешь - молоко аж закиснет ...
Ну, а где твой черт-старик?»

Так сдуру наляпал Волчишка.
А кирпич со стенки Мартышка
Как схватит, как швырнет

В самую морду – боже мой милый!
Высыпала зуба четыре...
Мой Несытый как заревет!

Мог бы Мартышку на месте убить,
Ба, когда ловкачка она в прыть,

И детишки как вскочат:

И камнями давай Волка жарить,
Тот снова очи трет, значит,
Двое за палки берутся.

Луцат, бьют без милосердия!
Едва-едва отпер я креном
Двери и крикнул: «Волчок, иди!»

Вот он выскочил в то же мгновенье,
Ибо его бы убили, наверное,
Будто кошель жиды.

С тех пор у Мартышки Фроси
Стал по заслугам я в ласках очень,
Волк же хуже полыни.

Потому верю я своему счастью:
Среди бури, среди грома-ненастья
Другие потонут, а я сухим выйду».

Такой пошел разговор,
Пока путем Лис во Львов
Вдруг с Бабаем дошел!

В послеобеденную как раз пору
На площади возле двора
Стал на судное место он.

ПЕСНЯ ОДИНАДЦАТАЯ

Поведают мудрые люди:
Прибудут ум, счастье будет.
Того и Лис держался всего:

Хотя мороз скребет по телу,
Но движения быстрые, смелые,
Гордо голову он несет.

Так выступил он охотно:
Все на него вперли очи,
Всем сделалось обидно так,

Как ждали грома, бури ...
Между рядами немых, понурых
Лис вступил, как весельчак.

«Га, ты убийца проклятый!
Ты еще смеешь здесь стать мне?»-
Грозно с трона крикнул Лев-царь.-

«Посмотрите, паны, он так ступает
Свободно, словно не знает,
Какой прислал противный нам дар.

Га, ты мех брехни и предательства!
Нет, не уповай на пощаду!
Яця ты насмерть загрыз!

Козел, сообщник твой в его смерти,
Уже есть на штуки растерзанный, -
То и тебя ждет, господин Лис!»

Лис побледнел, начал дрожать,
Словно на свете раз первый, как пить дать,
Новость такую услышал и начал годить;

Далее, вдруг руки свои заломивши
И лицо слезами обливши,
Во все горло заревел так навзрыд:

«Ой-ой-ой, година-то черная!
Яць погиб, душа заячья проворная,
Проклятый Козел издох!

Ох, обокраденный бедный Никита,
Твой самый большой клад, где всё скрыто!
Что же делать начну я? Ох-ох-ох!»

«Что это ты говоришь мне, брехун?» -
Царь на него гневно двинулся вдруг.
«Царь, убей меня ты теперь!

Это мой клад бесценный пропал,
И жить я не склонен уж так,
Лучше бы сразу пришла моя смерть!

Га, что на Яца, думал я ложно,
На Козла положиться-то можно.
Через них я и передал

В запечатанной упаковке
Для тебя в подарке сокровище -
Мир такого не выдавал.

Там бриллиант был чудесный,
Что ночью, как целый месяц,
Среди потемок светил;

Там был рубиновый перстень,
Что склонял всех к любви сердцем
К любому тому, кто его носил.

Это царю слал я с радостью,
Для царицы же еще зеркало младости
Изумрудное приложил:

Кто гляделся в нем за погодой,
Набирал красоты и здоровья,
Даже мертвый бы ожил.

Ценные такие клейноды⁵
Я, вреда не надеясь, всё
Передал через Яца.

Хоть минуту думать я мог,
Что Яца убьет Василий Козел,
Чтоб подарки разграбить-то, а?

А теперь же, родная мама!
Яць погиб, и Козёл тоже странно,
Где клад я найду?

А на меня языки злые
Тут большой грех свалили,
Чтобы впихнуть в беду.

Царь, и ты, Царица-пане,
Все подозренья плохие и брани,
Сплетни откиньте прочь все!

Чтобы потомки не осудили,
Что вы шилом мне отплатили,
Наивернейшему слуге!»

Утих Лис. Царь нахмурил лицо,
И всхлипнула Царица разок -
Она страх чуткая очень была,

Еще от полдника доброго,
Потому что сама, ободрав шкуру дольно,
Съела смачно четверть Вола.

«Нет», - начал вновь Лис через миг, -
«Вижу, закрыли враги
Ваши очи царские вновь!

Так и мне жизнь надоела до горла!
Потому подданных свет и сила до гроба -
Царская ласка и любовь.

Так прощай же, свет белый!

⁵ Клейноды (от нем. Kleinod - сокровище, драгоценность) — малая по размеру вещь, подарок гостя, позже филигранной работы вещь, маленькая драгоценность и, вообще, в прямом и переносном смысле, всё драгоценное.

А вы, проклятые, выходите, скверные
Несговорчивые враги!

Кто что должен мне был закинуть,
Выступай! Или жить, иль погибнуть,
Без веса биться будем мы до зари!

Что же вас, трусы, тут не видать?
Лишь за очи шептать
Умеете, а чтобы смело

К лицу вставать, доказательства дать
И жизнью за правду стать, -
О, то вас нет на это!»

«Врешь, лжец навесной и подлиза!»-
Волк крикнул и двинулся близко
Из звериной толпы второпях.-

«Я с тобой биться хочу.
Язык твой проклятый укорочу,
Чтобы ты не брал на смех нас!

Перед царскими очами и богом
Становлюсь и хочу бороться я долго
Не на жизнь, а на смерть замято,

Чтоб подтвердить, что ты мерзавец,
И лжец, и обманщик,
Топчешь все, что есть свято!

Не то, что творил ты мне,
Но обиды зверские все
Против тебя ставлю я.

Не за себя хочу мстить и биться,
А за то, что Волчица
Претерпела моя.

Слушайте, какую публику
Он сделал ей, что и вовек
Не позабудется ей и след.

Сидит над прудом Волчица,
Лис подбежал и аж давится, быстро
И смачно обжаренную рыбу ест.

«Что это ты ешь, Никитка?» -
«Рыбу, не видишь?» - говорит быстро
Лис. «Да дай же и мне!» -

Просит жена. «Вам что, тетя,

Рыбы хочется? Гляньте-ка зорко,
Здесь в пруду их тьма на дне!»

«Э, в пруду! Иль я не знаю?
Что ж, если их не поймаю!»-
«Тетя, я вас научу.

Я их ловлю в любую погоду:
Где сеть свою только заброшу,
Десятками их ташу!»

«Что за сеть?» - вопрошает Волчица.
«Можно сему сейчас научиться.
Вот со мной только иди!»

Снег был, ветер на заливной луг
Стал морозным, лишь тоню одну
Затянул кто-то среди воды.

Вот сюда-то препроводил
И Волчице ей так советовал Лис:
«Посмотрите, тетя, их тут сколько всего!

Лишь в воду хвост запихайте,
Подержите и вытягивайте -
Рыб наловите полный мешок!»

И так искренним он оказывался,
Так Волчицу подбадривал,
Что поверила тут же она:

Торопливо присела на лед,
В прорубь вонзила хвост
И держит, держит - вот дура!

«Лис», - говорит, - «сейчас щипает!» -
«Молчи, то так рыба хватает».
А это хватал хвост мороз.

«Лис, может, уже тянуть надо?» -
«Э, еще быть должно мало,
Еще поддержи, пока можешь!»

«Лис, давит-то и рвать начинает!» -
«Молчи, это щука большая,
Такая, словно баран!»

А хвост обледенел уже крепко и колко.
«Лис, тяну!» - «Нет, еще тут щепотки!
Ишь, хватается карп!»

Далее уж терпения не стало,

Она дернула понемногу-помалу -
Не пускает. «Ой, тяни», -

Говорит Лис, - «так рыб много здесь!
Поднимай же их, милая, лезь,
Не растеклись чтоб они!»

Дернула еще раз Волчица, -
Нет, хвост во льду сильно держится!
Тянет крепко – ни с места.

«Тетя», - Лис молвил, - «благодари бога,
Вот из села нам на подмогу
Люди идут, двадцать душ тесно!»

Как почувствовала то Волчица,
Так от страха себя забыла -
Как завоет! ... Ох, Боже мой, ай!

Люди лютые, глядь, подбежали,
Как ее, примерзлую, увидели, стали
Цап и вдруг за палки хватать.

Удары сыплются градом!..
Бедная женщина крутит задом,
Вьется, рвется, а те всё бьют!

Дальше дернула, что было силы,
На лед полхвоста оставила длинный
И шмыгнула в божий свой путь!»

А на это Никита вежливо:
«Да, это правда, конечно,
Лишь кроха лжи в ней!

Только, Волк, непотребно:
Всю жадность жены своей скверно
Приписываешь ты мне.

Будь она порядочна и честна,
Быстро бы хвост из воды поднесла,
Имела бы рыбу и хвост весь.

А она как одурела,
Всё выловить захотела,
Еще мне жалуется».

Сбор звериный весь расхохотался,
А Несытый аж вниз стекался,
Под собой землю грыз.

«Га, мерзавец!» – Крикнул он лютый.-

«Вот как он вертит и крутит.
Чтоб невиновным был всего Лис!

Но не дождешься, проклятый,
Нас всех на смех поднять!
Подлых твоих справок - тьма,

Ну, скажи, там у криницы
Была ли вина Волчицы,
Или твоя лишь злость сама?

У бревенчатой криницы
Висели ведра два из крицы
На цепи на валу.

Лис захотел воды напиться -
Скок в ведро, чтобы вниз спустится,
Второе повисло же наверху.

Ну, воду пьет и вкушает
И вдруг себе рассуждает:
«Боже, что это сделал тут я?

Вниз съехал я, но вверх снова
Кто же меня подтянет-то впору?»
Бедный от ужаса взвыл аж.

Надо ж беде той случиться,
Чтоб тот его плач Волчица
Почувствовала, идя бережком.

К колодцу заглядывает...
«Лис, что там есть?» - Спрашивает
Своим нежненьким голоском.

Лис мой поспешно заговорил:
«Ах, тетя, рыбы, раков разлив
В той кринице здесь и шум вот!

Лапаю здесь полчаса,
Уже вот имею я полведра
И наелся, будто стручок!

Жаль, что столько оставлю их!
Влезь в ведро, там что висит,
И до меня езжай вниз!

Наешься, и домой еще
Кучу потом старику занесешь!»
Так врал ей хитро Лис.

Ну, а уже это вам не скрыто,

Что Волчица моя, как обычно,
Страх как голодной была.

Как о рыбе и раках услышала,
Сейчас же с размаху в ведёрко прыгнула
И с ним шась! Вниз пошла.

Пошло вниз ведро Волчицы,
Вверх пошло со дна криницы
То ведерко, где Лис сидел.

«Ну, тетя, будь ты здорова!
А я спешу до Магерова!»-
Крикнул Лис, пока вверх летел.-

«Славную ты сделала лестницу:
Я иду вверх, а ты вниз и ниже;
Так-то в мире все ведется.

Рыб там не найдешь, милая,
И можно подумать подолгу,
Как добираться вверх днесь придется!»

Услышала женщина вещь пропащую;
Страх такой напал на бедняжечку,
Что сперли в сторону колики даже.

А с ведром как в воду упала, -
То завывла и застонала,
Аж пузыри вознеслись сразу.

Услышали люди крик Волчицы,
Сбежались к кринице;
Мыслите, что хоть бы один

Сжалился, захотел помощь дать,
Что есть женщина и детям мать?
Нет, если в их руки упал, то сгинь!

«В кринице Волк! Волк в кринице!
За жеребят и овцу мы сторицей
Заплатим ему теперь!

Вытягивайте осторожно.
Но бейте, сколько вы можете,
Чтобы сейчас нам умер здесь!»

Ну, подумайте, ваша милость,
Что там в её сердце творилось,
Как ее те вверх тащили!

Там внизу вода, потоп,

А вверху двадцать холопов,
И с палками все ещё были!

Лишь она оказалась на свет,
Как набросились шум, треск, -
Бьют, толкут, словно сноп!

Смутилась в ведерке бедная,
И тут уже отчаянье в сердце,
И в глазах ей померк мир под гнёт.

Сил ей добавила тревога:
Вскочила с ведра, убогая,
В сжатие палок густое самое:

Даже в сказке и не сказать,
Сколько пришлось ей набрать
Суковатых тех караваев.

Как она спастись успела
И жизнь из их рук вырвать поспешно,
То не знаю уж я.

Это, лжец ты отвратительный,
Твой был поступок ехидный,
Подлая справка твоя!»

«Ой, Волчок, кабы ты знал,
Как я благодарен ей сам
За тот поступок её милосердный,

Что наложить себе дала то
Что справедливо упасть могло
И на хребет мой мизерный!..

Благородная Волчица!
Тем бы поступком могла ты гордиться.
Есть здесь заслуга моя...

А она, ничего, что при том
Суковатый оброк
Снести может больше, чем я!»

Так-то надсмехался Лис над Волчицей.
Все смеялись, а Волк бесился.
«Врать! Никита!» - Он закричал.-

«Пусть червь твой язык сточит!
Как всё ты в живые очи
Белое в черное пробрежал!

Но нет, не языками,

А зубами, руками
Будем биться! Пусть я умру,

А тебе, лжецу и убийце,
Предателю и кровопийце,
Клятую морду запру!»

Крикнул Лис: «Ты, грубиян!
Думаешь, что станет брань
Заплатой на честь твою?»

В брани ты крепче, хлопец,
А как поединка захочешь, -
То почувствуешь, как я бью!»

«Ну, хватит тех свар! Довольно!
Черт знает кто из вас прав, и вор кто!»
Встав с трона, царь-Лев сказал. -

«Завтра бой рано последний
Укажет, кто плохой, кто крепкий.
Вот проба вам ваших прав!»

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Солнышко рано вскочило,
В росе жемчужной умылось
И смеется, не обжигая всего ...

Еще хорошенько Никита Лис
Разлегшись на кровать всю, спит,
Но кто-то его пнул в плечо.

«Эй, ты, дрёма, вставать время!
Заглядывает в хату день твой;
А знаешь ты, что за день-то сегодня?»

Он решит, или к победе
Дойдешь иль смерть и беды
Из боя вынесешь только!»

Так при постели Лиса застав
И его за руку взяв,
Мартышка Фросенька изрекла.

Всю ту ночь она не спала,
Все за Лисом она проговаривала,
Где у кого только могла.

Буркнул Лис сквозь сон гневно,
И, протерев очи живо,
Мартышку увидел он у кровати.

«Фрося, ты это?» - Вскрикнул отрадно,
Поднялся поспешно с кровати.-
«С чем же тебя бог привел, с какой стати?»

Мартышка молвит: «Ах, Никита,
Что когда-то было прожито,
У меня с памяти не сойдет!

Потому сердце женское любит
Вечно того, кто нас губит,
Даже благодарности и не ждет.

Так тобой я беспокоюсь
И о тебе все забочусь,
Хотя об этом никто и не знает.

Но сейчас драка злая силком
Привела меня аж сюда в дом.
Мучает меня мысль страшная, давит!..

Ой, Никита, могучий он Волк-то,
А хоть хитер ты, и ловок,
И проворен на свой язык,

Так легко все быть может,
Что пропадешь ты, о боже,
Волк шутить не привык!

Обеспокоена очень тем я
И пришла, друг мой, сюда,
Тебе помочь чтобы.

Знаешь, где доходит до распри,
Добра и баба к совету, ты знай это, -
И слушай советов моих ты тоже!»

Смеется Лис: «Милая Фрося, забудь
У тебя ни один зуб
Не страдает! Что же поспешно

Бабой оказаться тебе?
Ты еще похвалиться можешь себе
И красотой, и умом лестно!

Поступок твой великодушный!
Радостно буду совету послушен
Твоему, только советуй мне!»

Фрося в ладоши хлопнула -
Эй, Мартышки на выгоне, что
Ждали, вместе бегут все.

«Ого-го», - сказал Лис Никита, -
«Здесь родня вся знакомая, видно!
Фрося, что же значит все это, скажи!»

Фрося говорит: «Не печалься, Лис,
Сядь на скамейке, растянись,
А об остальном тихо, молчи!»

Здесь три вдруг Мартышки-злюки
Как примут Лиса Никиту в руки:
Бреют, моют и мылом трут;

Гладко остригли все тело,
Затем принесли масла еля
И на лохматый хвост льют.

Говорит Фрося: «Ну, Никита,
Всё остриженные, всё омыто,
Только в космах остался хвост:

Это на то, чтобы Волк нигде,
Ни за грудь, ни за крестец,
Тебя не поймал и за лоб.

Как на тебя он накинется,
Ты действуй, будто от страха гибнешь,
Да не торопись слишком и наутек!

А как будет Волк уже близко,
В песок обваляй хвостишко
И в лицо ему шлеп!

Будет это ему невкусно
И значительно пыл остудит;
Пока он очи протрет,

Сядь ему на хребет ты смело
И большое сделаешь дело,
Волка черт заберет.

А теперь встань на колени покорно,
Чары дам тебе, что верно, проворно
Доведут всё до ума:

Еирак ичои ырач ывреп,
Йыря музар и ырач ынрев,
Яьтучь щом яшьлобиан ад!⁶

Ну, теперь вставай, друг мой верный,

⁶ Каждая строка читается в обратную сторону.

Иди здоровым, сильно не медли
И с победой своей возвращайся!

Вы же ведите, Мартышечки, Лиса
Туда, где звери сошлись все,
На тот выгон под гай собирайтесь!»

Знакомая ходит дружина,
Гордо движется Лис Никита,
Пред троном царским просто и быстро.

Царь, увидев, как он оделся,
За живот взялся от смеха.
«Хитрый ты, бестия!»

Но Лис, почтенный, строгий,
Поклонился царю-Льву в ноги,
А аж до колен царице на троне,

А затем на место боя,
Вкруг окруженный толпою,
Выступил он спокойно.

Оглянулся – а Волк уже тута:
Как злая черная туча,
Выступает из ущелья рядов;

Даже зубами он скрежещет,
Блистают очи, как свечи, -
Так и с костями съест Лиса бы смог.

И царь махнул головой,
Знак подал им булавой
Начинать борьбу.

Горны, трубы загремели,
Все затихли, все онемели,
Робкую ждут судьбу.

Первый вскочил лапистый Волк,
Лиса к зубам, попасть чтоб
И сделать ему капут.

Лис завыл, испугался
И быстренько взад отправился -
Волк за ним вот тут ... вот тут!

Догнал его уже близко,
Но на бегу Лис хвостишко
По песку проволочил, -

Как Волку свистнет он в очи,

Так его темнее же ночи
Весь мир вскружил.

«Ой, и сукин ты злодей же!» -
Крикнул Волк, и гнать уже нечего,
Стал и трет из очей песок.

«Что, Волчок, будем биться», -
Молвил Никита, - «или мириться?
Ну, свой подай голосок!»

Обернулся Никита скоро,
Волка схватить за горло
Вот-вот уж он наострился -

Но скок к нему Волк
И цап за ногу зубами щелк -
На землю Лис пал.

«Ага, собака ты лживая,
Вот теперь приходят жнива:
Все, что сеял, то и пожнешь!»

Раз в мои попал ты руки,
За все обиды, убытки, штуки
Плату ты отберешь!»

«Ой, это» - подумал Лис, - «омерзительно,
Здесь пропасть можно быстро!
Со смиренного давай конца!»

И чтоб время лишь протянуть,
Он начал на жалостной ноте
Говорить такие словца:

«Старик, бога в сердце имейте!
Я какая родня вам однако, поверьте!
Что это вы так взялись?»

Разве честь это, самолюбие знатные,
Что, как бестии остальные же падкие,
Бьются насмерть вдвоем Волк и Лис?

Ой, старик родной, услышьте,
Только сей раз меня извините, -
А вам клянусь, пока жив,

Я и мои все народы
Беспрепятственно, смиренно, беспрекословно
Верно вам будем служить.

Делать все для тебя,

Всякий труд приму на себя,
Не доем и не досплю,

А тебе и гусей, и утят,
Раков и рыб, и цыпляток
Полную кухню я наловлю.

Да и вспомни, то именно бою
Хотел ли я, Лис, с тобою?
Как я долго решался!

И теперь как я заботился пристально,
Чтобы тебя не ударить сильно,
В своей силе себе залушался!

Что только хочешь, как бы не было трудно,
Все я сделаю! Хотя прилюдно
Подлым лжецом назовусь!

Ой, болит! Родимый старик!
Покажи милость великую,
Пусть напрасно я не молюсь!»

«Нет», - рычит Несытый, - «хватит!
Вор какой ты, я знаю,
И лгун крутой лжи!

Сулишь злата мерку,
А спустя всегда дырку дерзко
С баранки отдашь ты.

И теперь хоть ты поклянись
Всех нас озолотить,
Веры твоей не возьму!

Заглушался ты в бою ладно,
Что в глаза мне коварно
Впер песка чертовскую тьму!

Нет, как не лги и ввивайся,
А с жизнью уже прощайся!
Сдурить себя я не дам.

Помолись быстро богу.
Кайся во всех грехах - и в дорогу
Сейчас идти должен к дедам!»

Так рычал Несытый гордо,
Рад бы взять Лиса за горло,
Но ногу имел в зубах.

А Никита, пока плакал угрюмо,

Хитрость новую уже обдумал,
Прошел первый страх.

Будто молился он Богу,
А между тем заднюю ногу
Всунул Волку под живот в тишь...

Как жменьку⁷ заперет крепкую
Под селезенку самую едко,
Изменился Волку сам мир.

«Ай!» - рявкнул он, вспомнив бабу.
Фюйть! Вырвал с пасти Лис лапу,
Задней пожал еще раз остро:

Чувств Волк лишился и повалился -
Глядь, наверху оказался нависшим
Лис и его хватя за горло.

«Ба, теперь проси, Волк, пощады!
Здесь за измены все воздаяние
Получишь ты!»- Лис кричал.

Волк, обозленный и запененный,
Лишь метался, как ошалевший,
И, ослабевший, рычал.

И не глупый уже Никита,
Всю силу собрал воедино,
Горло, словно клещами, давил;

Трясет, дергает, тянет,
Аж Лев крикнул: «Довольно! Хватит!
Сим разом Лис победил!»

Лис на то царское слово
Волка отпустил здорово.
«Царь», - молвит, - «повинуюсь я! Быть тому!

Стереть желал лишь пятно я,
Волчьей не хочу смерти и зла,
Я на бессильных не мщу!».

Здесь поднялся шум радости!
Мартышка сквозь толпу пропихалась
С лавровым уже венцом.

Сошлись все друзья и качали,
Лиса славили и поздравляли.

⁷ Ладонь с пальцами, согнутыми так, чтобы ими можно было зачерпнуть, захватить или удержать что-либо насыпанное, положенное.

Что таким явился борцом.

Не один, еще недавно
Кто мог бы съесть его, кричал: «Славно!
Живи, Никита Лис, много лет!»

Поблагодарил Лис поклоном,
Затем закованел перед тронном,
Чтобы услышать царский завет.

Окликнул царь: «Встань, Лис Никита!
Славно, сын, исписался ты сильно,
Свою честь защитил, оборонился.

Пусть проходит, что было!
Дарует царь и прощает открыто,
Что ты когда-либо, в чем провинился.

Днесь конец спорам и распре,
И в царской отныне раде
Радей ты о благе общем!

Ту честь прими от меня:
Канцлером именуют тебя,
Отдаю печать тебе очно.

Как ты мудро умел держаться,
От беды обороняться,
Так государство храни!

Что посоветуешь - царь прикажет,
Что напишешь - царь не смажет,
Лишь добросовестно все чини!»

Говорит Лис: «Мой царь и отец,
За такую богатую щедрую
Ласку чем я отплачу?

Сил у меня есть не много,
Но для твоего блага всё
И для державы я посвящу.

Еще только прости меня на одном,
Домой пусти меня на денек:
Женщина и детишки где там

Плачут, тоскуют ... Пусть же ныне
О счастливой моей перемене
Сам весть им я подам».

Царь сказал: «Иди, друг мой, туда!
Я и царица рады весьма,

Чтоб пропала их грусть вся.

Имеешь на три денька разрешение,
А с ними возвращайся же вместе,
Чтоб привечал их здесь я».

Здесь кончится наша сказка.
Всем, кто слушать был ласков
Дай бог много лет!

Пусть и наша печаль вся исчезнет!
А тем, кто нам совершает измены,
Пусть клином сойдется свет!

Звериный парламент (Отрывок политической басни)

Надоело самовластно Льву пановать
Пришлось *volens nolens*⁸ конституцию дать.
Радость в зверском царстве. "Вот теперь нам прекрасно!
Ибо будут брать и драть хоть, то парламентарно".

Вот расписаны выборы. Ну, это каждый знает,
Как у зверей при таких выборах бывает.
Овцы, что крупнейшую массу в краю представляли,
Волков выбрали, что "к кнуту" прибегли, послами.
А лишь трех из своего рода. Опечалились Овцы:
"Видишь вот, штука! С Волками конституция в союзе!"

Вот сошлись послы звериные на сеймовом вече, -
Был маршалком⁹ Лис Никита, Носорог был вице,
А от Льва Медведь Залесский имел верховную власть.
Лис Никита, поклонившись, отворил совещанье так:

"Честное собрание!
Очень я рад,
Что где гляну я, -
Согласье и лад.

Как на алчущих
Детей красоты,
Исцеляющие упали
Капли росы,

⁸ Волей не волей (лат.)

⁹ Маршалок — государственная должность в Польше и Великом княжестве Литовском. Маршалком назывался также руководитель шляхетской конфедерации и (с указанием города расположения) части шляхетской конфедерации.

Так и в общественности
На земле нашей
Взошли семена
Общности и согласия.

Враги знатные
В предлинный час
Сеяли братские
Расстройства у нас,
Вызывали различные
Грозные марева,
Систематичные
Брехни плели неустанно,
Чтоб молодое
Согласье сорвать,
Массу овечью
Взбунтовать,
Чтоб племя волчье
Слабело само,
Всех в предолгое
Впрячь в ярмо.
И мощь господняя
Разбила их срочно,
Подлость бездонная
Сползла, как снег точно.
В доверии искреннем
Овцы к братьям
В объятия сирые
Вверглись Волкам согласно.

Рады традицию
Древнюю держать,
В волчьей опеке и
Жить, и умирать.
Совет повинности
Нести древней
Без строптивости
И хитрой мести".